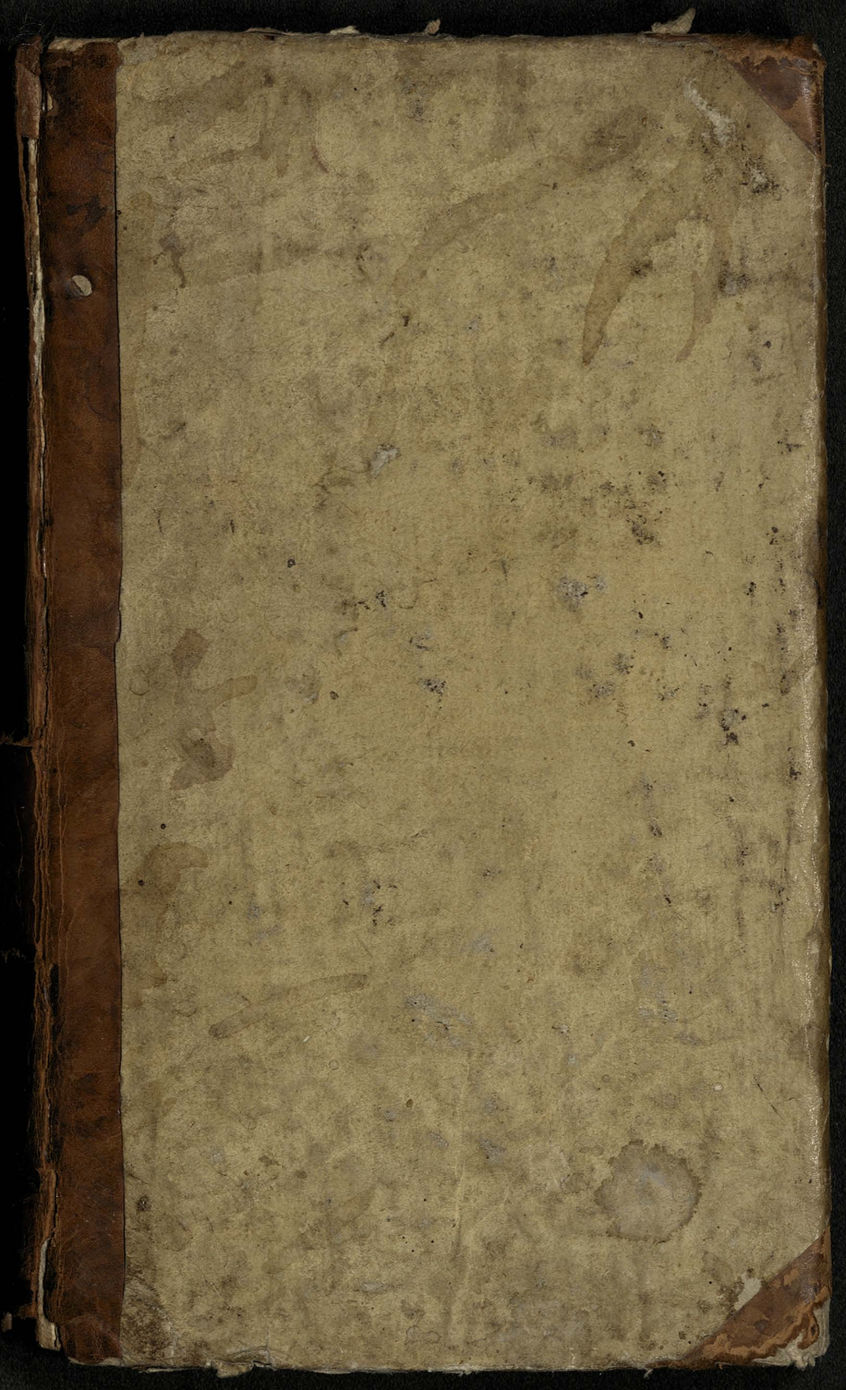
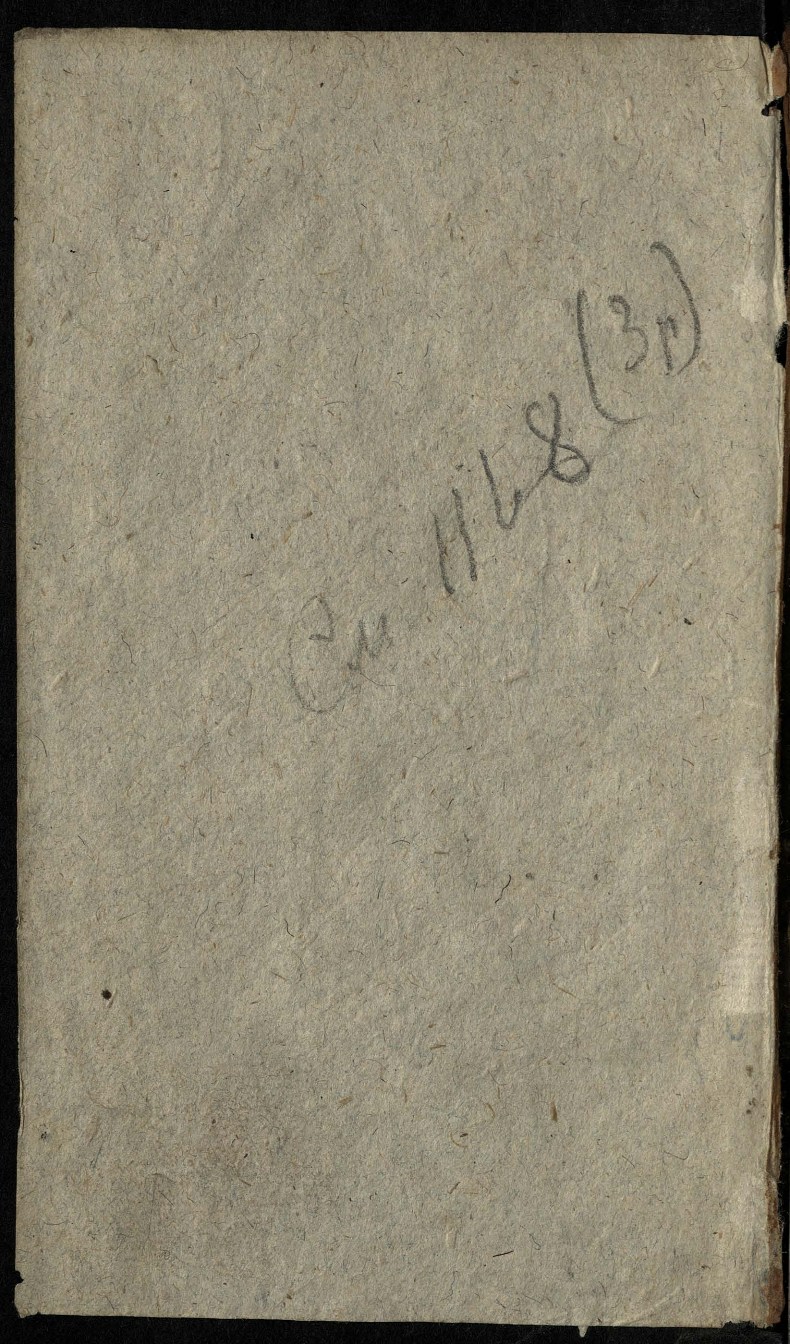

4-й экз

Гервей Джеймс

Cu 1168 (3p)

НАДГРОБНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ,

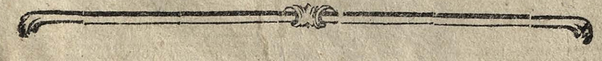
СОЧИНЕННЫЯ
НА
АГЛИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ
Г. ЖЕРВЕОМЪ.

Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай последняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши.
Іис. Сир. глава 7. стихъ 39.

Переводъ съ Французскаго.

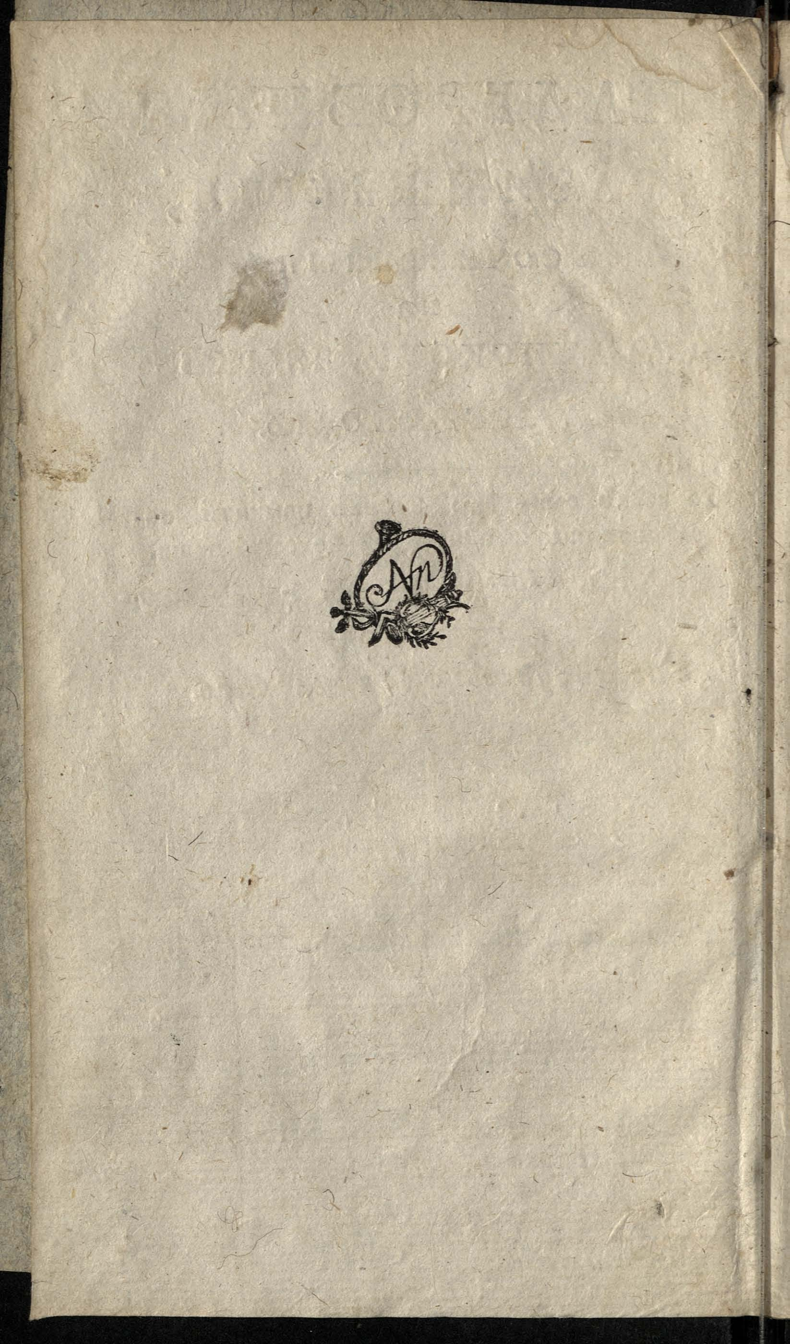

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1782 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ся могутЪ. Не опасаюся я дѣйствія сего вЪ ВасЪ; но еще ласкаюся, что находящіяся вЪ сочиненіи семЪ утѣшительныя истинны закона нѣкоторое облегченіе печалію угнѣтенному сердцу Вашему подать могутЪ. ВЪ семЪ то единственно надѣяніи дружба и истинная любовь моя кЪ ВамЪ переводЪ сей предпріять меня побудила. И ежели успѣхЪ желанію сердца моего будетЪ соотвѣтствовать: то и удовольствіе мое будетЪ совершенно. Повѣрте вЪ семЪ той, которая не престанетЪ быть навсегда обязанною ВамЪ услужницею и истиннымЪ другомЪ.

Е. Н.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Французскаго Переводчика.

Сочинитель надгробнаго размышленія, котораго въ Англіи многія выходили изданія, приписалъ оныя послѣдовательно двумъ госпожамъ примѣрнаго поведенія и истинной набожности. И въ самомъ дѣлѣ приношеніе сего рода не могло бы приличествовать ни кому, кромѣ такихъ особъ, кои отрекшися суеты свѣтской, рачительно упражняются въ исполненіи Христіанскихъ добродѣтелей. Но ктожъ изъ насъ о семъ помышлять не долженъ? Кто изъ науки смертной изключается? И языческой Философъ говари-

валъ, что наука сія должна бы быть упражненіемъ всея жизни нашея. (*)

Польза, которую прилѣжные Читатели сихъ размышленій пріобрѣсть могутъ, состоитъ въ томъ, что кажется ничто толь способно насъ къ мысли и воображенію смерти пріучить не можетъ. Жервей въ сочиненіи семъ превосходитъ многихъ писателей, прежде употребившихъ искусство свое на изображеніе ужасныхъ и печальныхъ предметовъ сихъ: оные въ уныніе и отчаяніе насъ вводятъ; Жервей же ободряя отъемлетъ страхъ утѣшительными доводами изъ Священнаго Писанія, кои умягчаютъ ужасные виды его изображенія. Несовершенное тѣлъ

(*) *Totâ vitâ discendum est mori.* Сенека.

тѣлъ нашихъ истребленіе являетъ онъ намъ въ гробахъ сихъ, но только самой подлѣйшей части оныхъ. Представляетъ онъ намъ по семъ жизнь новую: возноситъ мысль нашу къ вѣчнымъ предметамъ и желанія къ безконечному блаженству. Ничто столь не можетъ утѣшить человѣка и подкрѣпить бодрость его, взирая на ужасное обнаженіе, которому онъ скоро будетъ подверженъ.

Но особливо почувствуютъ величество, превосходство и пользу сочиненія сего, особы живо погребшіяся въ монастыряхъ и уединеніяхъ; поражаемы ужасными изображеніями на каждой, страницѣ находящимися, не могутъ они не восчувствовать удовольствія, предупредя уже до-

 бро-

бровольнымъ и великодушнымъ приношеніемъ на жертву суету свѣтскую; жертва всегда трудная и при дверяхъ смерти уже безполезная.

Но не однимъ особамъ, жизнь свою Богу посвятившимъ, чтеніе сіе прилично. „Я ласкаюся, гово„ритъ сочинитель въ своемъ пре„дисловіи, что размышленія сіи „не непріятны будутъ и свѣт„скимъ особамъ, коихъ разумъ „къ важнымъ размышленіямъ и „сердце къ чувствительности „способны. Кто можетъ равно„душно взирать на печальныя „развалины человѣчества и обна„женіе, которому оно въ гробахъ „подвержено? Сверьхъ того, кто „изъ насъ не имѣетъ въ нихъ „родственниковъ или друзей, „уронъ которыхъ мы оплакива„емъ?

„емъ? Отречемся ли итти къ „монументамъ въ память ихъ „устроеннымъ, дабы побесѣдовать еще нѣсколько разъ съ „столь любезными намъ тѣньми; „а особливо, когда размыслимъ, „что гробы суть обиталища, „опредѣленныя всѣмъ живущимъ, „и что скоро и сами мы печально къ нимъ препровождены будемъ? Не должны ли же мы „по справедливости посѣщать „гробы, хотя для познанія того „мѣста, которое мы въ семъ „мрачномъ жилищѣ нѣкогда занимать будемъ„?

Чтожъ касается собственно до слога сочиненія сего, то можно сказать, что Г. Жервей сравняться можетъ съ лучшими писателями Аглинскими, какъ въ разсужденіи смѣлыхъ мыслей, силь-

ныхъ и естественныхѣ воображеній, такъ и величественныхъ и краснорѣчивыхъ его изъясненій: въ прозѣ его находится высокость стихотворенія; но всего похвальнѣе въ немъ то, что столь исполненъ онъ чтеніемъ стараго и новаго завѣта, что всѣ выраженія его величественными изъясненіями божественныхъ книгъ сихъ одушевляются. Черты, исполненныя силы и огня, коими блистаютъ выраженія Пророческія, кажется, къ изображеніямъ его присоединяются для снабженія ихъ тою мужественною силою и величественною простотою, которыя нигдѣ, кромѣ писаній сихъ Богомъ вдохновенныхъ людей не находятся. Жервей возноситъ души наши, низводя оныя во гробы: даетъ намъ познаніе о Создателѣ бытія нашего и въ са-

самомъ разрушеніи человѣчества: вооружаетъ насъ непобѣдимыми силами закона противу ужаса смерти сотовариществующаго. Законъ только одинъ при ужасномъ нападеніи семъ насъ подкрѣпляетъ: безъ онаго же, что человѣкъ на одрѣ смертномъ? Страждущій бѣснующійся, или отчаянный трусъ.

Все вышесказанное въ похвалу Жервея взято изъ различныхъ похвальныхъ стиховъ, приложенныхъ къ его сочиненіямъ и приписанныхъ ему отъ друзей его. Здѣсь предлагается только существо, касающееся до размышленія надгробнаго: ибо въ похвалахъ сихъ упоминается и о прочихъ сочиненіяхъ Жервея не менѣе сего вниманія достойныхъ.

Должно предувѣдомить читателей и о семъ, что для лучшаго порядка размышленія сіи раздѣлены по различнымъ содержаніямъ оныхъ. Порядокъ сей къ вспомоществованію памяти читателей, и легчайшей подаетъ способъ въ избраніи размышленій особо кому нравящихся. Раздѣленія сего только въ оригиналѣ не находится; впрочемъ же во всемъ слѣдовано расположенію сочинителя.

Г. Жервей представляетъ себя странствующимъ человѣкомъ, и подробно сообщаетъ госпожѣ, которой дружбою онъ обязанъ, Философическія и Христіанскія свои размышленія, произведенныя въ немъ найденными имъ надписями въ церквѣ Корнуальской провинціи.

Пре-

Предупреждается только, что во многихъ мѣстахъ сокращено нравоученіе его, для лучшаго прилѣжанія къ понятіямъ, изображеніямъ и чувствованіямъ, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нравоученіе то само по себѣ внушается. Сверьхъ того признаюся, что для соблюденія чистоты и ясности Французскаго языка, принужденъ я былъ изключать или умягчать нѣкоторыя съ лишкомъ Метафизическія понятія, токмо на Аглинскомъ языкѣ изъяснить способныя.

Нѣкоторыя же размышленія за благо разсуждено распространить и объяснить для лучшаго восчувствованія оныхъ, увеличить нѣкоторыя изображенія и присовокупить начертанія, самымъ воображеніемъ внушаемыя.

Хотя Жервей и Аглинскаго закона, но не подозрительны разсужденія его Католикамъ: не находится въ нихъ ничего сообразнаго ученію Калвинскому въ противность Церкви нашей; и не опасаюся увѣрять Читателей, что нравоученіе, въ размышленіяхъ сихъ заключающееся, какъ въ чистотѣ такъ и набожности, писаніямъ Никола и Бардалу не уступаютъ.

НАДГРОБНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ I.

О должномъ почитаніи храмовъ.

Путешествуя безъ всякаго намѣренія въ Корнуальской провинціи, нечаяннымъ случаемъ заѣхалъ я въ немалое селеніе сей провинціи. Жители онаго упражняяся въ трудахъ своихъ, по полямъ разсѣяны были; тишина царствовала въ домахъ ихъ. Богопочитательное, или можетъ быть и просто любопытствомъ про-

произведенное движенiе, къ храму Божiю стопы мои обратило. Двери онаго были отверзты, подобно небеснымъ, къ коимъ они препроводятъ. По принесенiи хвалы превѣчному Владыкѣ дома сего, прiятная задумчивость объяла мою душу.

Казалося, будто размышленiе, съ устремительнымъ взоромъ, задумчивымъ и примѣчательнымъ видомъ отъ священнаго свода отрѣшась, на меня спустилось: конечно былъ то самъ Ангелъ, хранитель святаго того мѣста. Объявъ меня, овладѣлъ онъ всѣми моими мыслями. Душевное удовольствiе всѣ чувства мои восхитило; и чрезъ многiе послѣдовательные дни, приходилъ я наслаждаться онымъ въ храмъ сей, откуда ничто извлечь меня было не въ силахъ.

Храмъ сей казался уже древнимъ, среди пространнаго стоялъ кладбища, и отдаленъ былъ отъ жительства и шуму. Руки, создавшіе его, чрезъ многіе вѣки въ прахъ уже обратилися. Строитель онаго завѣщалъ, дабы тѣло его тутъ по смерти его сохранено было, гробница котораго видима еще посреди притвора; сей подобенъ искусному тому несѣкомому, которое произведя удивляющія насъ нити изъ собственныхъ трудовъ своихъ гробъ себѣ устроеваетъ.

Зданіе сіе было немало, хорошей архитектуры, но безъ всякаго украшенія. Два ряда столповъ въ срединѣ подымалися и величественно сводъ онаго поддерживали. Мрачной свѣтъ на всѣ предметы, въ немъ находящіеся, священной изливалъ ужасъ; тишина же и уединеніе нѣчто

величественное къ тому присовокупляли. Священной страхъ вдругъ овладѣлъ всѣми моими чувствами. Прошелъ я впередъ стороною за жертвенникъ, и нашедъ простую надпись, которая ни чѣмъ не была украшена; въ ней увидѣлъ, что строитель храма сего соорудилъ оной по августѣйшему чувствію благодарности къ не созданной и вѣчной благости.

О сколь почтенна благодарность, а особливо, когда предметомъ ея Всевышній Благодѣтель! благороднѣйшее и высочайшее то изъ всѣхъ чувствъ, сердца человѣческія подвизающихъ. Въ немъ находится нѣчто величественное (и естьли можно такъ сказать) нѣкое великодушное богопочитаніе.

Раскаяніе являетъ поврежденіе падшаго естества нашего.

Мо-

Молитва означаетъ слабость нашу; но благодарность или признательность, нѣкоторымъ образомъ равностоять благотвореніямъ Божіимъ насъ побуждаетъ. Исполненіе сей высочайшей добродѣтели и въ самомъ небѣ еще пребываетъ, гдѣ нѣтъ прощенія, и молитвы уже не дѣйствительны.

Изъясненіе благодарности отъ нѣжной и чувствительной души происходитъ. *Наслаждаюся я безконечнымъ благомъ, чтожъ воздамъ я симъ меня Одарившему?* Такъ изъясняется сердце, чувствіемъ проницаемое. И кто же болѣе Создателя бытія моего и всесильнаго Бога, отъ коего я все мною обладаемое пріемлю, право къ сей истинной отъ насъ признательности имѣетъ? Чѣмъ болѣе могу явить ему благодареніе мое, кромѣ украшенія мѣстъ,

гдѣ слава его присутствуетъ? Какой стыдъ и поношеніе, видѣть домы смертныхъ украшенные кедрами и мраморомъ, а домъ Господа Господей въ небреженіи.

Тутъ напомнилъ я превосходное Соломоново призываніе Господа, при посвященіи ему великаго храма своего. Создалъ онъ его съ великолѣпіемъ, подъ солнцемъ дотолѣ не видимымъ. Но не взирая на то, размысля о безконечныхъ совершенствахъ и величествѣ Божіемъ, сомнѣвается онъ, чтобъ благоволилъ онъ присѣтить оной. *Господи! вскричалъ признательный Царь сей, истинно ли вселишися съ человѣки на земли; аще небо небесе не довлѣютъ Ти, колъми паче храмъ сей, его же создахъ имени Твоему!*

Какое превосходное произношеніе! чувствуетъ онъ непостижи-

жимость Существа Божія; и что онъ выше всѣхъ похвалъ. Какое святое восхищеніе! какое униженное сомнѣніе сего Царя Пророка! И тогда онъ человѣковъ весьма блаженными почитаетъ, когда Высочайшее Существо благодѣтельной взоръ свой на землю обратить благоволитъ. Что же когда исполненый милосердія Богъ сей, на ней утвердитъ жительство свое, и удостоитъ оную своимъ присутствіемъ?

Сіе не измѣримое пространство, голубой сводъ котораго многіе миліоны народовъ объемлетъ, не вмѣстимое жилище есть божеству; небеса небесъ, безпредѣльная широта, еще превыше того простирающаяся за предѣлы зрѣнія человѣческаго и мысли непостижимая, недостойна быть жилищемъ Богу. Единая то токмо точка, въ сравненіи

безконечнаго существа сего. Блистающія звѣзды, надъ главами нашими протекающія и цѣлыми народами нѣкогда обожаемыя, не иначе какъ песчинки подъ ногами его почитаться могутъ.

Сей храмъ, которой предметомъ удивленія всего свѣта, пылинка токмо предъ величествомъ толь безконечнымъ и августѣйшимъ.

Какое святое восхищеніе проницаетъ душу сего Царя Архитектора, при празднествѣ снисхожденія Вышняго Существа, которое унижается даже до пребыванія съ нами.

Но болѣе всего истощить должно всю благодарность человѣка, вѣрою просвѣщеннаго, исполнить его любовію и почитаніемъ, разсмотреніе того, что самъ онъ живой храмъ есть Божій. Какъ! Богъ, который едва взоромъ своимъ

имъ удостоиваетъ престолы и владычествія, искренно соединиться благоволяетъ съ нещастнымъ грѣшникомъ, съ оживотворенною землею! О несравненная честь! О неслыханное преимущество! Осмѣлюся ли я осквернить мысль мою какимъ либо беззаконіемъ, ходя во святомъ жилищѣ семъ? Великой священникъ Іудейскій позволилъ ли бы себѣ малѣйшее преступленіе тогда, когда ежегодно входилъ онъ торжественно во Святая Святыхъ, объятъ будучи славою Божіею: сердце его содрогаться должно было при единомъ воображеніи искушенія.

Для чего же не носить намъ повсемѣстно святаго ужаса сего? Для чего при всякомъ случаѣ не почитать намъ самихъ себя? Мы Всевышняго есмы храмы; мы существо, Богу посвященное.

О сколь сіе законное нравоученіе въ побужденіи насъ къ добродѣтели дѣйствительно! Смертные! оно должно служить вамъ вмѣсто всѣхъ законовъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ II.

О гробахъ вообще.

Предметъ, привлекшій потомъ мое вниманіе, былъ полъ, покрытой надгробными надписями: полъ сей подобенъ свитку Езекіилеву, который исписанъ былъ отъ края до края; печальныя надписи, подобно плачу сего Пророка, казалося, что привлекая мое примѣчаніе, къ чтенію ихъ меня приглашали. Но что же скажутъ мнѣ печальные монументы сіи? Что подъ тѣснымъ вмѣстилищемъ симъ положены были такіе

кіе то и такіе куски земли, которые нѣкогда оживотворены будучи, двигалися и ходили.

Въ какомъ же мѣстѣ я находился? Окруженъ былъ величествомъ Создателя, и кости подобныхъ мнѣ, были подъ ногами моими. Могъ бы я тутъ вскричать съ почтеннымъ Патріархомъ: *о коль страшно мѣсто сіе!* Но притомъ сколь долженъ и благодарить я провидѣніе, направившее туда стопы моя? Тамъ то истинное училище мудрости. Блаженъ человѣкъ презрѣвши суетныя позорищи свѣта и приходящій для размышленія къ гробамъ подъ тихую и мрачную тѣнь Кипарисовъ, гдѣ обманчивой свѣтъ суеты никогда не проницаетъ. Блаженъ тотъ, которой подъ древними сводами, смерть упокоевающими, надгробную надпись свою читать и прахъ свой

 взвѣ-

взвѣшивать приходитъ! гробъ, мудрѣйшій есть изъ всѣхъ учителей; и проницающій лучь Философіи гораздо менѣе истиненъ, нежели мрачной свѣтильникъ надгробной намъ являетъ. Такъ пріиди, тихое прилѣжаніе, пріиди, збери всѣ мысли мои; а ты, о Духъ небесный, не видимыми крылами меня объемлющій, согрѣй разумъ мой, дабы могъ воспользоваться я чтеніемъ сихъ надписей; поддержи дрожащія стопы моя на краю пропасти гордости человѣческой.

Разсматривая жалостные монументы сіи, кои казались спорющимися между собою о привлеченіи моихъ взоровъ, сперва не нашелъ я ничего, кромѣ памяти многихъ тѣлъ, обще подъ гробницами сими лежащихъ. Въ одномъ мѣстѣ они безъ уваженія чиновъ и званій обитали. Никто изъ

изъ нихъ отмѣннаго предъ прочими мѣста, въ мрачномъ жилищѣ семъ не искалъ. Никто не желалъ прежде прочихъ быть привѣтствованъ: всѣ спали сномъ, отъ коего они уже не возстанутъ. Старецъ, лѣтъ и испытанія исполненный, коего оракуломъ времяни его почитали, повerженъ лежитъ у ногъ юноши. Служитель въ одеждѣ, подобной господину своему, равное съ нимъ подлѣ его занимаетъ мѣсто. Нищей столь же спокойно, какъ и обладатель великаго богатства тутъ опочиваетъ. Различаетъ ихъ только небольшое возвышеніе изъ дерну, или каменная гробница, украшенная изображеніями, уже въ половину изпроверженными сѣкирою все раззоряющаго времяни.

Почто же споримъ мы съ толикимъ жаромъ о превосход-

ствѣ или предсѣдательствѣ нашемъ, когда скоро мы всѣ въ одномъ прахѣ соединимся? Почто возвышаяся, прочихъ уничижаемъ, когда всѣ мы нѣкогда смертію въ одно званіе помѣщены будемъ? О! дабы сіе разсужденіе гордость мою уничижило, и оную столь низко, какъ и обиталище сіе, въ которое скоро я сниду, низвело!

Между множествомъ тѣлъ, въ одномъ мѣстѣ тутъ лежащихъ, находятся конечно люди, кои въ продолженіе краткаго теченія жизни ихъ различными пользами и мнѣніями побуждалися. Но смерть подобно Судіи, на опредѣленія котораго уже нѣтъ возраженій, простерши руку свою на нихъ, всѣ споры прекратила. Тутъ царствуетъ миръ не нарушимый. Человѣкъ тутъ не отъемлетъ оружіемъ у другаго саже-

женъ земли, имЪ занимаемую. Не примирительнѣйшіе враги купно вЪ союзѣ и согласіи обитаютЪ: всю смертную злобу и распрю свою забываютЪ: кости ихЪ сокрушаяся мѣшаются; и человѣки, коихЪ злобныя фуріи во время жизни ихЪ раздѣляли, во взаимныя объятія впадаютЪ, и во гробѣ соединяются.

О! почто же не можемЪ мы отЪ примирившагося праха сего, научиться забывать обиды, намЪ причиненныя, укрощать злобу и духЪ мщенія, дабы на земли такЪ, какЪ и вЪ жилищѣ мертвыхЪ, царствовали мирЪ и тишина?

РАЗ-

РАЗМЫШЛЕНІЕ III.

Надъ гробомъ младенца.

Что скрыто лежитъ подъ бѣлымъ камнемъ симъ, означающимъ правоту и невинность? Младенецъ то, испустившій нѣжную душу свою почти въ началѣ бытія своего; не позналъ онъ ни труда ни болѣзни: спокойно онъ опочиваетъ во ожиданіи воскресенія. Нѣсколько минутъ во вратахъ свѣта онъ остановился и сколько времяни потребно только было на очищеніе природной нечистоты въ купели перерожденія. Слабые глаза его отверзлись, и тотъ же часъ по узрѣніи тучи страшныхъ болѣзней, на слабость его стремящихся, закрылися. Спѣшно потекъ онъ изъ небытія ко гробу, и со свѣтомъ простился. Ни-

Писано о Спасителѣ нашемъ, страдавшемъ на крестѣ. *Даша Ему пити оцетъ съ желчею смѣшенъ: и вкушъ не хотяше пити.* Подобно сему и юной чужестранецъ сей, вкусилъ изъ чаши жизни сея; и нашедъ ту весьма горьку, слабою рукою своею ее отринувъ, отрекся отъ питія изъ оной. Конечно не иная причина была скорому отшествію его. Возлюбилъ онъ лучше прямо обратить путь свой къ спокойному обиталищу смерти, нежель достигнуть оной чрезъ нѣсколько лѣтъ позже труднымъ путемъ жизни.

О щастливый старикъ! едва началъ ты путешествіе твое, какъ увидѣлъ себя уже въ желаемомъ пристанищѣ! но еще щастливѣе тебя претерпѣвшіе бури и волненія, и оставившіе шествующимъ по нихъ утѣши-

тельные примѣры бодрости и терпѣнія!

О блаженнѣйшій пришелецЪ! вмѣщенный безЪ искуса, пріятый безЪ понесенія трудовЪ! ВЪ семЪ то состоитЪ твое преимущество. Не чувствовалЪ ты ни малѣйшаго нападенія болѣзней тѣхЪ, кои нещастныхЪ родителей твоихЪ угнѣтаютЪ. Они осталися вЪ жизни, и приносятЪ можетЪ быть еще и понынѣ слезы и рыданіе на хладной гробЪ твой. Увы! не знаютЪ они блаженства твоего? Ты вЪ пристанищѣ; а они еще подвержены бури страстей. Ты вЪ мирѣ и тишинѣ опочиваешь; они же день и ночь сильнымЪ волненіемЪ безпокойствЪ мятутся. Спасеніе твое несомнительно; а они подвержены бурѣ искушенія, носящей ихЪ между множества камней.

Но

Но вы, почто плачете о томъ, что сей младенецъ вашъ побѣдою увѣнчанъ, прежде обнаженія меча, прежде начала битвы? Извѣстно ли вамъ то? не предвидѣлъ ли Вышній Строитель случаевъ нѣкоторыхъ пріуготовленныхъ сѣтей неразсудительной юности его? Почто же негодуете вы на толь нѣжное провидѣніе? Сохранило оно цвѣтъ едва распустившійся и избранное произрастѣніе прежде страшнаго грома, блистанія молніи и шума разъярившейся бури. Знайте, что плодъ чрева вашего не погибъ, но восхищенъ отъ стремящагося на него зла.

Чтожъ касается до насъ, осужденныхъ на *понесеніе тяжести и жара* дневнаго; то не должны мы лишаться бодрости, взирая на юнаго сего предопредѣленнаго? Онъ, подобно намъ,

 пред-

предсталъ на дѣло; но Господинъ дома сжаляся на его слабость, наградилъ его дневною цѣною, не взыскивая отъ него трудовъ. Вознегодуемъ ли мы на сіе? Не должно забывать намъ, что честнѣе войти въ ограду и выдержать битву, и что награжденіе трудившихся безпрестанно отъ восхожденія до захожденія зари жизненной, гораздо болѣе будетъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ IV.

Надъ гробомъ юноши.

Здѣсь скрыта лежитъ утѣха нѣжной матери и погибшая надежда нещастнаго родителя. Молодый юноша сей возрасталъ, подобно насажденію, которое попечительно поливается, отпус-

калъ онъ глубокіе корни; гордая глава его силу и бодрость его предвозвѣщала; сладчайшіе плоды въ созрѣломъ возрастѣ онъ обѣщалъ. Какъ гордый Кедръ подобно башни возвышаясь, предвозвѣщаетъ, что будетъ нѣкогда онъ украшеніемъ лѣсовъ и Царь древесъ, окружающихъ его. Но, о несказанная болѣзнь! сѣкира къ древу приближилася; ударъ уже совершенъ, и пышные сучья обращены въ прахъ. Такъ то младый юноша сей поверженъ въ цвѣтѣ дней его. *Лестная* надежда, которую честолюбіе отеческое на немъ основывало, пріятное предвидѣніе носившей его въ утробѣ своей, изчезли и во гробъ низвержены.

Какое жалкое позорище то было свидѣтелямъ сего плачевнаго препровожденія! Отецъ и мать въ печали погруженные, въ

молчанiи слѣдуютъ за возлюбленнымъ симъ сыномъ ихъ, котораго несутъ безчувственна и мертва въ жилище праха. Утопая въ слезахъ, несносною болѣзнiю терзаемы, останавливаются они на мѣстѣ томъ, подобно статуямъ, отчаянiе изображающимъ. По воздуху разносится жалкой вопль плачущихъ, во всѣ сердца мрачную печаль вселяющiй. Смотри, какъ руки свои простираютъ! желали бы они удержать жалостный предметъ печали ихъ; но тщетно возвращенiя его отъ небесъ они просятъ. Нѣтъ, не мечта то: слышу я послѣднiя прощанiя отчаянной матери сей. Глубокое молчанiе вдругъ слѣдуетъ за ея жалобами; и въ то время, какъ совершается погребенiе, стоитъ она подобно ума лишившейся. Взоры ея на гробъ устремлены:

стоитъ подвергаема печальнымъ сотоварищемъ нещастія ея; но скоро потомъ не въ силахъ будучи преодолѣть внутренняго терзанія своего, не можетъ уже удержать рѣки, сердце ея потопляющей; приближается ко гробу, вся душа ея кажется въ глазахъ ея вмѣщается; устремляетъ она ихъ еще разъ на милой предметъ, ею оплакиваемой, прежде нежели скроютъ его отъ нея. Въ словахъ, рыданіемъ прерываемыхъ, вопіетъ она: прости мой сынъ! - - О сынъ возлюбленный! - - почто не я вмѣсто тебя умираю! прости, о чадо любезное! - - прости! - - нѣтъ уже щастія для меня въ землѣ живыхъ. Не старайтеся меня утѣшить: - - - всѣ дни жизни моей я буду плакать, доколѣ болѣзнь моя низведетъ меня во гробъ, и съ прахомъ его соединитъ.

 Ро-

Родители! коль любите вы дѣтей своихъ, коль милы вамъ сіи пріятные залоги брачной любви вашей! не щадите ни старанія ни трудовъ, ни внушенія имъ добродѣтели; единый то токмо способъ на пріобрѣтеніе вамъ радости въ жизнь ихъ и утѣшенія въ ихъ смерти. Ежели дни жизни ихъ продолжатся, то безпорочное поведеніе и славное теченіе ихъ будетъ утѣшеніемъ старости вашей; естьли же напротивъ того, прервутся дни ихъ, то съ повиновеніемъ отдадите тѣла ихъ тлѣнію, напоминая утѣшительную истинну сію, что много они въ малыхъ дняхъ своихъ жили, потому что были добродѣтельны; что добрыми дѣлами, но не лѣтами измѣрять должно бытіе ихъ. Почто предаваться вамъ тщетной печали? Почто упорно опла-

кивать траты ихъ? Не изчезли они; но возвратилися къ началу своему, коего всю непорочность они сохранили; возвратилися они въ нѣдро Предвѣчнаго. Нѣтъ, ничто въ нихъ не погибло, кромѣ грубой и смрадной внѣшности, истинной жизни препятствующей и содержавшей ихъ въ мрачной темницѣ: теперь посвящены они въ таинства Создателя; почерпаютъ просвѣщеніе, несравненно превосходящее то, которое доставили бы вы имъ въ училищахъ мудрости человѣческой.

РАЗМЫШЛЕНІЕ V.

Надъ гробомъ жениха.

На другой сторонѣ храма, увидѣлъ я гробницу, которой украшеніе нѣчто весьма печально-

ное означать казалося. Мраморныя изображенія на всѣхъ четырехъ сторонахъ гроба, въ печальномъ видѣ опершись на оной стояли: въ глубокой задумчивости и печали они быть казалися; у ногъ ихъ лежали погасшіе свѣтильники любви и брака; болѣзнь склоняетъ главы ихъ, и устремляетъ взоры во вѣки на неподвижной камень сей.

Заключенной въ семъ гробѣ двацати осьми лѣтъ былъ; вожделѣннымъ наслаждался здравіемъ; и всею силою и красотою молодости былъ одаренъ: остановленная среди теченія своего блестящая звѣзда сія вдругъ изчезла. Бодрственный видъ его, гордая осанка, доброе сложеніе тѣла, продолжительнѣйшую жизнь ему обѣщавали; самъ онъ ничего кромѣ непрерывныхъ удовольствій себѣ не представлялъ

и не предвидѣлъ, коихъ большая часть терялися въ мысляхъ его по причинѣ весьма отдаленнаго впередъ времени; какъ увы! не ожидаемой снишелъ ударъ, снизшелъ отъ десницы Всемогущаго и обратилъ въ прахъ мнимаго Героя, подобно ползающей несѣкомой, подавляемой ногами путешествующаго, которому и трепетанія ея нечувствительны.

Но похищенъ онъ былъ въ самое дражайшее время жизни его, въ часъ, къ браку его назначенный; послѣднее дыханіе его конечно былъ вздохъ любви. „Скоро, *говорилъ онъ*, владѣть я буду единственнымъ предметомъ „моихъ желаній; обладать прелестію жизни моей; называть ее „*моею*; и въ ней то наслаждаться будетъ сердце мое удовольствіемъ всѣхъ желаній своихъ„. Естьли бы среди толь лестныхъ

воображенiй нѣкто изъ вѣрныхъ друзей его, напомнилъ ему о смерти: то коль странно бы и непристойно напоминовенiе сiе ему показалося! Со всѣмъ тѣмъ исполненъ будучи жизни, колебался уже онъ у пропасти, отверзающейся подъ ногами его. - - Счастiе его одинъ только сонъ былъ и мечта; дары уже были приготовлены, друзья и сродники созваны, и все устроено ко дню, которой всѣми за счастливѣйшей почитается. (*) О страшная премѣна! празднество брачное въ печальное погребенiе превратилося! О жалостный несчастный! претерпѣваетъ онъ кораблекрушенiе и погибаетъ въ видѣ пристанища! Приступите вы, въ восхищенiи юности находящiися, обра-

(*) *Изъ Плинiя книга 5. гл. 26.*

обратите взоръ вашъ на монументъ сей! Прочтите число лѣтъ его, и не хвалитеся прожить до дня завтрешняго.

Какая ужасная вѣсть для нѣжной невѣсты, которая въ радостномъ находится восхищенiи, и украшаетъ брачное ложе свое! Что скажетъ она, услыша, что смерть! увы! не надѣйтеся никогда на молодость и силу! Что скажетъ она, услыша, что немилосердая смерть возлюбленному ея другое ложе во гробѣ уже прiуготовила? другое ложе, гдѣ одинъ онъ уже вмѣщенъ будетъ, и не востанетъ съ онаго, доколѣ прейдутъ небеса.

Тщетно украшается она драгоцѣннѣйшими одеждами; тщетно ждетъ къ себѣ будущаго своего супруга; подобно матери Сисара, глядитъ она сквозь решетку, отъ нетерпѣнiя ропщетъ

на

на медлѣніе возлюбленнаго своего: удивляется, что колесницы его еще не видитъ. Ахъ! сколь далеко отъ нея сія мысль, что обожаемой сердцемъ ея, со свѣтомъ на вѣки уже простился, и столь же мало объ немъ какъ и о возлюбленной своей помышляетъ! Поди оставленная и нещастная дѣвица, поди оплакивай непостоянство щастія земнаго; пріобучай душу твою къ желаніямъ вѣрнѣйшихъ и непоколебимѣйшихъ благъ. Вѣрной, возлюбленной и нѣжной предметъ твоего желанія, уже опочиваетъ онъ въ объятіяхъ иной. Опочиваетъ онъ въ объятіяхъ страшной смерти, въ забвеніи, - - въ вѣчномъ забвеніи свѣта, - - и тебя.

Кто бы не покусился здѣсь вознегодовать на Царицу страховъ, на несправедливое и жестокое ея своенравіе? Почто бы

пре-

превращать ей порядокъ естества? Оставляетъ она мучиться лѣтами и болѣзнями угнѣтаемаго старца, и нѣжныя отрасли младенчества, блистающей цвѣтъ молодости и драгоцѣнной плодъ лѣтъ мужественныхъ искореняетъ.

Подобныя сему приключенія весьма способны къ возбужденію насъ отъ глубокаго сна нашего. Среди жизни, мы въ смерти находимся. Никто не можетъ избѣгнуть руки невидимой мучительницы; стрѣлы, ея скоростію молніи подобныя, достигаютъ и опровергаютъ насъ во мгновеніе ока: туча смертоносныхъ, стрѣлъ сихъ вмѣстѣ пущенныхъ, безпрерывно одна за другою слѣдуетъ; летаютъ они безъ порядка, и никто не можетъ предузнать, кто жертвою ударамъ ихъ будетъ.

О сыны человѣческие! будте всегда готовы! ибо въ часъ, которой вы не помышляете - - - - - - о цѣломудренное увѣщаніе! каждое слово всякой надгробной надписи кажется оное мнѣ повторяетъ. Слышу я то раздающееся, подобно грому, изъ глубины гробовъ, подъ ногами моими находящихся.

РАЗМЫШЛЕНІЕ VI.

Надъ гробомъ человѣка, незапною смертію пораженнаго.

Прочтемъ сію другую надпись. Вѣщаетъ она мнѣ, что смертной, подъ мраморомъ симъ покоящійся, окончилъ дни свои, по изреченію обыкновенному, нечаяннымъ случаемъ. Но должно ли то называть такъ? Не лучше ли сказать, что ударъ сей со-

совершенъ былъ невидимою и правосудною рукою? Богъ порядкомъ воинствъ небесныхъ управляетъ: Богъ владычествуетъ надъ жителями земными и устроеваетъ то, что человѣки случаемъ называютъ. Нѣтъ, ничто, ничто слѣпымъ рокомъ и безразсудно не происходитъ. Всѣ произшествія предвидѣны и опредѣлены въ премудромъ совѣтѣ Превѣчнаго. Господь, во власти котораго вѣстникъ смерти, изрекая опредѣленіе и исполненіе онаго повелѣваетъ. Нещастіе, намъ нечаяннымъ случаемъ являющееся, ничто иное какъ исполненіе Вышняго правосудія. Когда безбожный Монархъ смертно пораженъ былъ стрѣлою, безъ намѣренія пущенною. *Человѣкъ пускаетъ стрѣлу безъ всякаго намѣренія*: ему то, такъ мнится; но рука его управляема десницею Все-

Всесильнаго; мстительная стрѣла сія вѣрнымъ окомъ направляема. И такъ то, что мы слѣпымъ случаемъ называемъ, есть истинное провидѣніе, совершающее непроницаемыя судьбы своя. О несравненное ученіе! О утѣшительная мысль, долженствующая содержать человѣка въ спокойномъ повиновеніи, и Геройческой твердости во всѣхъ случаяхъ!

Нещастной *Шемилъ*! увы! образъ Его изъ памяти моей надолго не истребится! Поручилъ онъ часть богатствъ своихъ по своенравію судьбины; щастіе не преставало ему привѣтствовать: встаетъ; но о ужасной и неожидаемой ударъ! низверженъ онъ во гробъ, и ужасомъ наполняетъ сердца всѣхъ зрителей. - - - Вчера *Коринна* подобно Терпсихорѣ, блистала пріятностію и дарова-

бованiями своими во многолюдномъ собранiи. Веселой нравъ, богатая одежда и прелести ея, всѣхъ взоры на нее обращали, она была окружена обожателями; восхищенна покоренiемъ ихъ, мнила она себя быть богинею; и возбуждала ревность въ своихъ совмѣстницахъ: сего дня мертва она и не подвижна; блѣдное и безобразное тѣло ея лежитъ во гробѣ: предметомъ уже она жалости и печали; смерть все истребила. Молодой *Аттикусъ* нетерпѣливо ожидалъ совершенiя пространнаго и великолѣпнаго дома своего: стремительно желалъ онъ явить въ немъ всю роскошь и великолѣпiе свое; но ни одну минуту въ позлащенныхъ храмахъ сихъ онъ жить не будетъ. Прекрасной день блестящiе покои его

 освя-

освѣщаетъ, но очи Господина дома, отъ свѣта на вѣкъ уже закрылися. Мѣста сіи пышно были украшены; пуховыя постели нѣжко воздымалися: но не будетъ онъ на нихъ воображаемымъ имъ покоемъ наслаждаться, къ которому казалося, что они его призывали: лежитъ онъ уже въ нѣдрѣ земли между костями предковъ его. Садъ былъ насажденъ, дороги въ немъ порядочно расположены, цвѣтники искусно разпещрены; но долженствующей приходить для пріятнаго размышленія въ прекрасныя мѣста сіи, снизшелъ въ мрачное жилище тьмы, въ долину, покрытую тѣнію смерти.

Но въ самое то время, какъ разсматриваю я печальныя жертвы сіи, множество подобныхъ имъ несчастныхъ претерпѣваютъ

казнь

казнь, Богомъ на нихъ изреченную. Око Вышняго Существа обходитъ законопреступный шаръ сей: видитъ множество зданій, печалію облеченныхъ, и цѣлые городы въ горесть погруженные. - - - Ангелъ истребитель, разсѣявшій трепетъ между Египтянами въ смертоносной ночи, не нарушимыхъ повелѣній его исполнитель, въ скорости молніи подобный вселенную протекаетъ, мечь мщенія блистаетъ въ рукѣ его: ударяетъ и повергаетъ онъ преступниковъ. Иной падаетъ съ сѣдалища своего, подобно тяжести, лишившейся подпоры, и не слышитъ уже жалостнаго вопля тѣхъ, кои тщетно въ жизнь его призываютъ: другой послѣднее испускаетъ дыханіе, сидя подъ тѣнью густаго дерева, куда пришелъ для наслажденія взора своего насажденіемъ испещреннымъ

нымъ множествомъ благовонныхъ цвѣтовъ. - - - Иной плавая въ источникѣ, коего сребряныя воды около его стоящіе предметы пріятно умножали. - - Иные падаютъ возвращаяся въ свое жилище, гдѣ нѣжныя объятія многочисленнаго семейства ихъ ожидаютъ. - - - Сіи предпринимая важную торговлю; другіе похищаются, имѣя еще въ рукахъ своихъ цѣну неправосудія; а многіе, въ самой роскоши или лютыхъ дѣйствіяхъ.

Туча превратностей, коихъ никакая человѣческая мудрость ни предвидѣть ни отвратить не можетъ, всегда напасть на насъ готова. По малѣйшему знаку Превѣчнаго, стремятся онѣ отъ подножія престола его, подобно быстрой рѣкѣ, и бѣгутъ на исполненіе не нарушимыхъ его изреченій. О сколь не видима чер-

черта, раздѣляющая міръ сей съ міромъ будущимъ! Коль кратокъ путь временной къ вѣчности! Разъяренный конь опровергая всадника своего, ногами подавляетъ. Древнее подземное зданіе, временемъ тайно устроенное, вдругъ разрушается и множество народа подъ развалинами своими погребаетъ. Паденіе одного токмо камня столько же, какъ разрушеніе всей храмины бѣдствій наноситъ. - - - Нить жизненная толь тонка и нѣжна, что слабой Зефиръ ту прервать такъ, какъ и жесточайшая буря можетъ. - - Презрительное насѣкомое можетъ быть столь же опаснымъ врагомъ, какъ и Голіафъ со всею страшною его бронею. - - - Воздухъ, насъ окружающій, и коимъ мы дышемъ, повреждаяся, вдругъ въ смертоносной ядъ, земли опустошающій, превращается.

Смерть входитъ и въ самую пищу нашу: подобно злохитрой убійцѣ неисчетные она скрытые имѣетъ пути къ достиженію насъ внезапно. Скрывается она въ собственныхъ нѣдрахъ нашихъ: входитъ и укрѣпляется въ насъ толь сильно, что никакое искусство изгнать ея не можетъ; и самая кровь, толь необходимая питательница всѣхъ частей тѣлъ нашихъ наполнена бѣдственными ея сѣменами. Человѣкъ въ первыя минуты своего дыханія, несчастныя сѣмена разрушенія своего пріемлетъ. Болѣзнь, долженствующая нѣкогда прекратить жизнь его, съ начала подобна ему въ слабости; но ростетъ она и укрѣпляется вмѣстѣ съ жертвою своею. Тѣло человѣческое толь тлѣнная и удобоpазрушимая есть машина, что наималѣйшій ударъ въ прахъ обра-

ратить оное можетъ: составлено оно изъ многихъ частей, сложенныхъ же; малѣйшая разстройка оныхъ весь порядокъ уничтожить можетъ; повреждение одной пружины дѣйствие всей машины останавляетъ.

Коль такъ легко мы жилища своего лишиться можемъ, то должны воображать себя быть повѣренными, коимъ срокъ не назначенъ. Будемъ всегда готовы вручить Господину дома имѣние, намъ ввѣренное, безсрочно и бездоговорно. Человѣкъ, не находящийся въ семъ счастливомъ расположении, подобенъ несмысленному, на верьху мачты корабельной, во время жесточайшей бури спящему. Городъ, крѣпкими стѣнами и храбрыми воинами хранимый, довольнымъ пропитаниемъ снабдѣнный, не произведетъ страха въ жителяхъ его; кто

можетъ препятствовать имъ тихимъ наслаждаться покоемъ? Такъ и всегдашнее помышленіе о смерти спокойствіе намъ внушая, безмятежное вкушеніе удовольствія жизни намъ даетъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ VII.

Надъ гробомъ женщины, умершей въ родахъ.

Черной мраморъ, столпы сіи украшающій, напоминаетъ мнѣ, что подъ нимъ скрыты печальные остатки Софрозины. Увы! Тѣсная и нѣжная дружба насъ съ нею соединяла. При рожденіи сына, (сколь часто нечаянныя сіи нещастія случаются!) произрастаетъ отрасль и корень увядаетъ; младенецъ оживотворяется, и мать послѣднее испускаетъ дыханіе; онъ очи свои

свѣту

свѣту отверзаетъ, а та, отъ которой получаетъ онъ жизнь, закрываетъ уже ихъ на вѣки. Даетъ она жизнь; но, о участь, рыданія достойная! съ потеряніемъ то собственной своей. Удостоилась она великаго званія матери, но тѣмъ не наслаждается; - - и можетъ быть испускаетъ она духъ въ жесточайшихъ болѣзняхъ, и сама гробомъ младенцу своему бываетъ. Пророкъ задолго предъ симъ сочинилъ надгробную ихъ надпись. (*) *Пріиде болѣзнь раждающей, крѣпости же не имѣетъ родити.*

Обѣ сіи нещастныя жертвы равно жалость и слезы мои возбуждаютъ; но участь младенца гораздо менѣе матерняго сожа-

(*) *Исаіи глава* 37. *стихъ* 3.

лѣнія достойна: онъ пришелъ бы въ свѣтъ для стенанія токмо въ нѣдрахъ болѣзни, лишенъ будучи нѣжной покровительницы его младенчества и вѣрной предводительницы его молодости.

Рѣдкость мрамора, украшенія его окружающія и множество емблематическихъ изображеній, вокругъ его стоящихъ, монументъ сей отъ всѣхъ прочихъ отличаетъ. Воздвигнувшій его, кажется все искусство на посвященіе сожалѣнію своему и въ честь памяти толь любезной особы истощилъ.

Разсматривая гробницу сію, чувствіе печали, смѣшанное съ нѣкіимъ восхищеніемъ меня объемлетъ; все изображаетъ мнѣ здѣсь счастливыя свойства Софрозины, прелести ея, правоту, невинность, тихой нравъ, пріятно-

ности , доброе сердце и благородную простоту ея; истинной то былъ образъ всѣхъ добродѣтелей.

Но увы! сколь тщетны были всѣ блистательныя дарованія сіи! Куда скрылися прелестные взоры глазъ твоихъ? Къ чему послужила тебѣ знатность природы твоей? Почто щастливой супругъ твой, обладатель толь драгоцѣннаго сокровища, не въ силахъ былъ защитить тебя отъ варварскаго насилія смерти? Жестокая сія, глуха и нечувствительна была къ прозьбѣ и слезамъ друзей твоихъ: не подвигнулася она отчаяніемъ супруга, котораго достоинства и любовь къ тебѣ она бы должна была уважить.

Но ежели законъ не въ силахъ совершенно превозмочь въ насъ ужасъ смертной: то можетъ

жетъ онъ по крайней мѣрѣ притупить ея жало; тихой свѣтъ сихъ свѣтильниковъ, пылающее сердце сіе, цвѣтущія пальмы, блистающій вѣнецъ; и всѣ на мраморѣ семъ изображенные образы, не представляютъ ли разуму моему бдѣнія вѣры Софрозининой, усерднаго ея богопочитанія, побѣды надъ смертію, и небеснаго вѣнца, къ великому дню ей уготованнаго.

Сколь завидна была участь того, которой владѣлъ толь добродѣтельною женою! Не видывано никогда счастливѣйшаго супружества. Совершенное согласіе нравовъ между ими царствовало; бесѣда ихъ была тиха и утѣшительна. Одно они токмо сердце составляли; все общее между ими было: взаимная любовь удовольствія ихъ оживотворяла, и облегчала болѣзни ихъ. Блажен-

женство ихъ было совершенно, и не доставало токмо имъ плода нѣжнаго союза ихъ. Какая радость! какое счастіе! видѣть себя вновь рождающихся въ дѣтяхъ; познаваться въ живыхъ изображеніяхъ сихъ, преподавать имъ добродѣтели свои, чувствовать возрастающую любовь взаимную, взирая на пріятные залоги союза ихъ. „О небо! *го-* „*ворили они, соединяя пламен-* „*ныя желанія свои*, благоволи на- „градить насъ неоцѣненнымъ да- „ромъ симъ, и тѣмъ увѣнчают- „ся всѣ желанія наши.

Увы! коль велика слѣпота смертныхъ! Сколь мало познаютъ они истинное благо, *даждь ми чадо: аще же ни: умру азъ*, (*) говорила Рахиль: въ нетерпѣли-

(*) *Бытія глав.* 30 *ст.* 1.

ливомъ стремлении своемъ нескромное произноситъ она желанiе. Умираетъ и въ самомъ дѣлѣ, но отъ самаго исполненiя ея желанiй. Естьли дѣти иногда родителей своихъ подобно сплетенiю цвѣтовъ, прiятнѣйшее благовонiе испускающихъ, украшаютъ: то сколь чаще бываютъ они огорченiемъ и мукою жизни ихъ?

Когда безпокойная душа наша какою либо стремительною страстiю къ предмету, часто опасному для насъ, подвизается: то по справедливости можно сказать намъ слово божественнаго учителя нашего: *не вѣсте, чего просите.* Не въ рукахъ ли провидѣнiя вещи, желаемыя вами? Отказываетъ оно вамъ въ нихъ по милосердiю своему, и удерживаетъ причину бѣдствiя и орудiе погибели нашей. Не поз-

позволеннымЪ побужденіемЪ избираемЪ мы пищу являющуюся намЪ здравою; но оная ядЪ смертельной вЪ себѢ заключаетЪ. Ласкается воображеніе наше непрерывнымЪ благополучіемЪ: исполнилося оно, и бѢдствіе наше совершило. О дабы могли научиться мы не вдаваться неумѢреннымЪ желаніямЪ, не стенать о мнимомЪ благѢ! оставимЪ Небу избраніе произшествія жизни нашея; поручимЪ то превѢчной мудрости Его, выборЪ ея вѢрнѢе нашего; отречемся отЪ собственной воли нашей, и принесемЪ вЪ жертву дражайшія желанія наши тому, которой все кЪ лучшему устроилЪ.

ГробЪ СофрозиНЫ напоминаетЪ мнѢ нѢжные и высокіе стихи, читанные мною на воздвигнутомЪ монументѢ вЪ храмѢ НортемптонскомЪ.

КЪ чему служитЪ тебѢ нынѢ высокая твоя природа? КЪ чему любовь и почитаніе кЪ тебѢ твоего супруга? - -
- - - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - - -

Малое количество только праха вЪ печальномЪ жилищѢ семЪ ты составляешь; вЪ сей то и самая гордость нѢкогда обратится (*).

ПредметомЪ стиховЪ сихЪ таковая же любви достойная женщина, похищенная у нѢжной любви добродѢтельнаго мужа. Надписаны они памяти жены почтеннаго друга моего Доктора *Стангуза*. ВЪ несказанной горести

(*) *Que te sert maintenant ta naissance sublime?*
Que te sert d'un époux & l'amour & l'estime?
- - - - - - - - - -
- - - - - - - - - -
Tu n'est qu'un peu de poudre en ce triste sejour;
C'est tout ce que l'orgueil sera lui même un jour.

сти видѣлъ онъ тщетными всѣ усилія его искусства; и не могъ сохранить жизнь, которая ему дороже собственной своей была.

Такъ то щастливое искусство сохраненія жизни, не могло защитить отъ смерти своего изобрѣтателя (*).

Нещастной супругъ искалъ облегченія горести своей въ печальной Мавзолеѣ сей: оживотворилъ онъ мраморъ, и предалъ ему храненіе нѣжнаго почитанія памяти любезной супруги своей такъ, какъ и закона, котораго она была украшеніемъ. Всѣ похвалы ея заключилъ онъ словами сими: *Истинная то была Христіанка*; краткой панегирикъ, но довольный для воспоминанія всѣхъ блистающихъ въ ней добродѣтелей.

 Предъ-

(*) . . . . *Ars quoque cunctis utilis, Authori defuit ipsa suo.* Овид.

Предъупомянутые стихи глубочайшую печаль неутѣшимаго супруга возвѣщаютъ.

Къ чему служитъ тебѣ высокая природа? Къ чему любовь и почтеніе къ тебѣ твоего супруга? - - - - - -
- - - - - - - -
- - - - - - - -

Но сколь сильно изъяснено отчаяніе его въ пресѣченіи, находящемся между сими двумя стихами и слѣдующими по нихъ. Молчаніе сіе напоминаетъ превосходное искусство живописца, изобразившаго передъ дѣвицею, послѣднее дыханіе испускающею, мать и друзей ея слезами заливающихся, отеческое же лице скрываетъ онъ подъ покрываломъ, не находя способу изъяснить кистью и красками смертельной его болѣзни.

Послѣдующіе стихи:
Малое количество только праха въ печальномъ жилищѣ семъ ты составляешь; въ сей то и самая гордость нѣкогда обратится.

Напоминаютъ читателю страшной приговоръ, изреченной на перваго человѣка: *яко земля еси и въ землю отъидеши.* (*)

Надъ страшною надписью сею видима отверстая книга. Кажется она плавающею на семъ изображеніи смерти: книга сія, Богомъ вдохновенная; великія истинны въ ней содержащіяся, всѣ въ ученіи Апостольскомъ заключаются, которое глазамъ представлено: „не будите лѣни„вы и нерадивы; но подражайте „тѣмъ, кои вѣрою и терпѣніемъ „наслѣдницы обѣтованія быти „сподобилися„.

(*) *Бытія глава 3. стихъ 19.*

ВЪ низу написано сіе поражающее разсужденіе: „ Коль кратка „жизнь! Коль продолжительна „вѢчность! „ Каждая часть монумента сего превосходнѢйшее нравоученіе вЪ себѢ содержитЪ; сколь возбудительно нѢмое изЪясненіе сіе! И колико живо и глубоко оно вЪ сердца наши впечатлѢвается!

РАЗМЫШЛЕНІЕ VIII.

НадЪ гробомЪ совершеннаго мужа и господина дому.

Что надписано на другой гробницѢ сей? Искусство ничего тутЪ не присовокупило. Не вижу на ней я ни какихЪ украшеній: рука скромной простоты оную устроила. Вижу я только краткую надпись; слова оной спер-

ты.

ты. Едва могу постигнуть я смыслЪ оной. Художника ли, коему печальное исправленіе сіе было ввѣрено, винить я вЪ томЪ долженЪ? или стерты слова сіи частымЪ тутЪ собраніемЪ и слезами отчаяннаго семейства, на гробЪ сей приходящаго? НѣтЪ не ошибаюся я, и прилѣжно разсматривая, познаю, что камень сей покрываетЪ прахЪ нѣжнолюбимаго отца, покровителя слабыхЪ дѣтей, кои при немЪ возрастали. О немилосердая смерть! Пожди хотя доколѣ не столь необходимо нужно имЪ будетЪ отеческое его попеченіе и снабжены будутЪ добродѣтели пристойнымЪ воспитаніемЪ.

НѣтЪ, ничто сего жалостнѣе печальному размышленію моему еще не представлялося. Храмина отца, послѣднее дыханіе испускающаго, вЪ присутствіи

слезами обливающагося семейства; сердце, терзающее позорище, представляетъ: тамъ то вдругъ видится возлюбленный супругъ, нѣжный отецъ, вѣрный другъ и милостивый господинъ; въ несноснѣйшемъ видится онъ состояніи, борется со смертію и въ часѣ разрушенія уже своего находится. Тщетно искусство на помощь его прибѣгаетъ. Болѣзнь превозмогаетъ его усиліе; и не взирая ни на что, страшной приговоръ совершаетъ: прерываетъ нить толь драгоцѣнной жизни, и разрушаетъ священнѣйшій союзъ любви взаимной.

Два древніе и вѣрные служители, съ почтеніемъ стоя предъ нимъ, попеременно жалостные взоры на ложе достойнаго господина своего обращаютъ. Кротость, снисхожденіе и всѣ добродѣтели его имъ живѣе въ жестокой

стокой часъ сей представляются. Чувствія, почитанія и благодарности сердца ихъ проницая, горесть ихъ усугубляютъ, и источники слезъ изъ очей ихъ извлекаютъ.

Друзья его, коихъ сладкая бесѣда нѣкогда разумъ и сердце его утѣшала, слабыми уже ему теперь помощниками. Сожалѣніе сердечное о любезномъ другѣ ихъ, усердныя молитвы, возведенныя на небо очи, нѣкоторыя превосходнѣйшія и утѣшительныя слова священнаго писанія, изъ богохвальныхъ устъ ихъ исходящія, единственная помощь, которую они подать ему только въ силахъ.

Дѣти его, во младенческихъ еще лѣтахъ находящіяся, окружаютъ ложе его и слезами оное обливаютъ; рыданіе ихъ слухъ пронзаетъ; и въ несносной горести

вопіютъ : „ оставитъ ли онъ „насъ? Ахъ оставляетъ безъ „покровителя : - - Оставляетъ „среди неправеднаго и жестоко-„сердаго свѣта. - - Ахъ! чтожъ „будемъ мы? - - Что сдѣлается „съ нами, когда онъ насъ оста-„витъ „?

Всѣ раздѣленныя болѣзни сіи соединяются въ сердце нещастной супруги его. Въ ней плачетъ и рыдаетъ любовница, жена и мать. Ахъ! кто можетъ оцѣнить уронъ ея? Вкушала она чрезъ дватцать лѣтъ прелести общества дружбы совершенной. О нѣжный союзъ! О сладчайшее согласіе! одно только и тоже сердце ихъ оживотворяло. Гдѣ обрѣсти толь вѣрную любовь, толь предупредительное угожденіе, толь совершенную довѣренность и дружбу, толь вѣрнаго хранителя ея таинъ, со-

вершенной образъ добродѣтели и толь ревностнаго покровителя ея и дѣтей ея пользы?

Смотри, какъ склоняется она на ложе его! какъ ищетъ облегчить жестокія болѣзни того, который ей всегда дороже былъ своей жизни. Какое попеченіе! Какое стараніе! Какая горячая любовь! тщится она сохранить жизнь, отъ которой зависитъ ея собственная, щастіе и благоденствіе ея и ея дѣтей. Тщетно старается она скрыть колеблющей ея страхъ смертельной. Смотри, какъ трепещущія руки ея ослабѣвающую главу умирающаго поддерживаютъ, и хладной потъ блѣднаго лица его отираютъ; но падаетъ она уже подъ бременемъ своего отчаянія. Терзающаяся грудь ея внутреннимъ рыданіемъ, которое усильно она удерживаетъ, вздымает-

ся и трепещетъ. Хранитъ она печальное молчанїе; и неподвижные взоры свои на блѣдное и уже не познаваемое лице мужа своего устремляетъ.

Между тѣмъ добрый отецъ и нѣжный супругъ сей, страдая во всѣхъ частяхъ тѣла своего, хвалитъ Высочайшее Существо среди ужаса часа смертнаго и покоренїемъ своимъ болѣзнь побѣждаетъ: одна печаль и слезы домашнихъ его, жалостное состоянїе супруги, которая скоро уже бѣдною и неутѣшною вдовою останется, и дѣтей, кои смертїю его сиротами будутъ, его тревожитъ; несносное воображенїе сїе въ печаль и унынїе его ввергаетъ, но отчаянїя въ немъ не производитъ. Надежда его на милосердїе Божїе и на безсмертную славу, къ нему приближающу-

щуюся, коей нѣкоторые лучи онъ уже усматриваетъ, его ободряетъ и подкрѣпляетъ, законъ страданію его даетъ достоинство: каждую минуту, въ которую терзающія его жестокія болѣзни умолкаютъ, употребляетъ онъ на утѣшеніе отчаяннаго своего семейства. Душа его, готовая къ отшествію изъ земнаго жилища своего, всѣ силы свои збираетъ: съ трудомъ встаетъ онъ и садится, простираетъ омертвѣвшую руку свою служителямъ своимъ, кои слезами ея обливаютъ; прощается жалостно съ друзьями своими; сжимаетъ въ слабыхъ объятіяхъ своихъ жену; и въ послѣдній разъ цѣлуетъ дражайшіе залоги взаимной любви ихъ, произнося томнымъ голосомъ слова сіи: „Я оставляю васъ, любезныя дѣти „мои; но Всесильный Богъ пре-

„бу-

„будетъ съ вами; теряете вы
„отца, который умереть былъ
„долженъ, но имѣете отца без-
„смертнаго на небѣ. Невѣрное
„токмо сердце и беззаконная
„жизнь лишить васъ могутъ
„попеченій провидѣнія и любви
„Его„. Не можетъ продолжать
онъ болѣе, не въ силахъ про-
износить слова, но сердце его ис-
полненно. - - - По нѣсколькомъ
молчаніи, оживотворяемъ нѣжною
любовію, продолжаетъ онъ съ
трудомъ и слабымъ голосомъ: - -
„О ты, дражайшая часть бытія
„моего! ты уже одна нынѣ ос-
„таешся покровительницею си-
„ротъ нашихъ. - - - Оставляю
„я тебя подъ бременемъ печали
„и трудовъ: - - но Богъ защит-
„никъ вдовъ; - - - Богъ, коего
„обѣщанія неложны, Богъ пра-
„вды рекъ: „ *Не имамъ тебя
оставити, ниже имамъ отъ тебя
от-*

отступити. „ (*) Утѣшительная
„мысль сія меня обнадеживаетъ.
„Она ободритъ и любезную мою
„супругу. - - - Теперь, о Отецъ
„милости и щедротъ! предаю я
„духъ мой въ руцѣ твои; - - -
„и исполненъ надеждою на не-
„преложныя слова твои, остав-
„ляю тебѣ дѣтей моихъ „.

По произнесеніи словъ сихъ, падаетъ онъ въ обморокъ, и нѣсколько времени безчувственъ пребываетъ. Подобно свѣтильнику изгорающему, который ослабѣваетъ, воспаляется и попеременно слабой испускаетъ свѣтъ: такъ и душа его готова оставить тѣсную тѣла темницу, нѣкоторые знаки постепенно изчезающаго движенія подаетъ. Болѣе обыкновеннаго отверстыя очи его, тихо осматривали любезные

(*) *къ Евреемъ глава* 13. *стихъ* 5.

безные предметы, его окружающіе: силится онъ многажды произнесть нѣсколько словъ; но тѣлесныя чувства его, подобно сокрушившемуся сосуду, слабой только и въ то же время изчезающей даютъ звукъ. Но взоры его еще бесѣдуютъ: видимо въ нихъ изъясненіе любви отеческой и супружеской. Устремляетъ онъ ихъ нѣсколько времени на дѣтей своихъ, на которыхъ толь часто съ сладчайшимъ взиралъ удовольствіемъ: обращается потомъ къ возлюбленной своей, на которую никогда безъ сильнѣйшаго чувствованія любви онъ не смотривалъ. Тутъ слабая усмѣшка, небеснымъ лучемъ освѣщаемая, умирающія очи его оживотворяетъ; и послѣдней испустя блескъ, покрываются они уже мрачнымъ облакомъ смерти.

Тутъ

Тутъ скрытая въ сердцахъ болѣзнь въ воплѣ и рыданіи исходитъ. Горчайшія стенанія и жалобы въ семъ утѣшенію неприступномъ мѣстѣ раздавалися. Наконецъ давъ вольное теченіе жестокой печали ихъ, и заплатя природѣ необходимую дань, законъ пришедъ на помощь ихъ, отеръ слезы и обвязалъ кровавыя раны сердецъ ихъ; все семейство напомнило тогда высокое то ученіе, о которомъ достойный отецъ сей многажды помертвѣвшими устами своими произносилъ: *и нѣсть остатися сиротѣ твоей, да живетъ: азъ же сотворю жити, и вдовицы на мя уповаша.* (*) Божественное обѣщаніе сіе ободрило сердца унывающія, и горесть ихъ усладило: воспріяли они оное, подобно

(*) *Іереміи глава 49 стихъ* 11.

но неоцѣненному наслѣдію и глубочайше въ памяти свои впечатлѣли. Неистощимое то для нихъ сокровище, на которое вѣрно надежду свою они возлагаютъ: неложной то споручитель успѣха трудовъ ихъ; не нужно имъ богатство, коль обладаютъ они священнымъ симъ залогомъ милости небесной!

РАЗМЫШЛЕНІЕ IX.

Надъ гробомъ человѣка, жаднаго къ богатству.

Лишь только отвратилъ я взоръ мой отъ гроба почтеннаго отца сего, коего тихое отшествіе печальныя мысли мои занимало, какъ другая и третія гробница и множество печальныхъ монументовъ, слезами еще омы-

омывающимся глазамЪ моимЪ предстали. Изображенія смерти вокругЪ меня умножилися. Взоры мои обратилися на гробЪ, содержащій вЪ себѣ хладные остатки человѣка, вЪ свѣтѣ семЪ отмѣнное лице представлявшаго. Великолѣпіе его гробницы являли мнѣ, что желалЪ онЪ отличиться и вЪ самомЪ прахѣ гробномЪ. УзналЪ я, что обладалЪ онЪ нѣкогда великимЪ богатствомЪ и что смерть похитила его среди теченія его жизни, упражняющагося единственно вЪ присовокупленіи новыхЪ сокровищЪ кЪ оставленнымЪ ему отЪ его предковЪ.

ТотчасЪ представилЪ я себѣ сего не утомимаго раба щастія, трудящагося безпрестанно вЪ собраніи имѣнія, которое долженЪ былЪ онЪ оставить. Не разсуждаетЪ онЪ, что много пре-

восходитЪ оно его надобности; жажда его съ богатствомЪ возрастаетЪ; каждый день новыя предпріятія онЪ производитЪ: съ немалымЪ безпокойствомЪ вычитаетЪ впередЪ все то, что пріобрѣтетЪ онЪ ими. Какія же не дѣлалЪ онЪ расположенія для величества дома своего, для присовокупленія наслѣдства кЪ наслѣдству, зданія кЪ зданію, доколѣ области его вЪ пространствѣ почти желаніямЪ его уподобилися! МожетЪ быть намѣренЪ онЪ былЪ тогда успокоиться, вкушать плоды трудовЪ своихЪ, отречься отЪ труднаго гоненія за богатствами земными и помышлять о вѣчныхЪ.

Но воззри на безуміе мудрости человѣческой и сколь велика слѣпота его, когда онЪ болѣе о временномЪ, нежели о вѣчномЪ печется! О сколь безумны и

сует-

суетны человѣки! Единодневное и преходящее бытіе, слагаетъ предпріятія и воспріемлетъ мѣры, простирающіяся за предѣлы вѣка: бѣгаетъ за химерою, а вѣчную истинну и единою мыслію не удостоеваетъ. *Убо образомъ ходитъ челопѣкъ*, говоритъ Пророкъ, *обаче псуе мятется.* (*) Когда всѣ мѣры уже взяты, все опредѣлено и исчислено, все готово къ исполненію, и толь давно ожидаемое время наслажденія кажется уже приближающимся; тогда Богъ съ высоты престола своего *посмѣется строителю Вапилона*, и великолѣпнѣйшее зданіе разрушаетъ. Наилучшее расположеніе человѣческое подобно искусному сплетенію хитрой несѣкомой, которое во мгновеніе

(*) *Псал.* 38. *ст.* 6.

веніе ока метла и съ создательницею его опровергаетъ.

О вы, предстоящіе одру сего умирающаго, свидѣтели его раскаянія, слышащіе послѣднія слова изчезающаго гласа его, скажите, не вскричалъ ли онъ, въ горести сердца своего: О смерть, сколь ужасно пришествіе твое человѣку, предавшемуся безплодному гоненію за суетнымъ богатствомъ, которое его не сопровождаетъ, и презрѣвшему единую *благую часть*! Какое преимущество, какую помощь, какое утѣшеніе приноситъ мнѣ теперь сіе безсильное богатство?

Ахъ, естьли дни мои! - - - Тутъ раскаяніе извлекло было изъ него нѣкоторое поздное и уже безплодное предпріятіе; но жестокая болѣзнь вдругъ всѣхъ чувствъ его лишила; и въ тотъ часъ

часъ испустилъ онъ духъ въ несказанномъ страданіи и жесточайшемъ мученіи.

Какою великою и ужасною наукою сынамъ человѣческимъ, поражающая смерть сего безумнаго, среди пространныхъ предпріятій его похищеннаго! О дабы могла она вселить въ души ихъ страхъ спасительной и научить не вздыхать съ толикою жадностію о земныхъ богатствахъ, не отягчать грубую землю нашу землею еще презрительнѣйшею; не терять толь драгоцѣннаго времени на собраніе излишняго и безполезнаго имѣнія: не подражать жадному воину, упражняющемуся въ собраніи презрительнаго металла въ то время, когда врагъ и побѣда отъ него скрываются; но благороднѣйшимъ стремленіемъ бѣжать къ божественной цѣли

званія нашего, для пріобрѣтенія безсмертнаго вѣнца. Коль не имѣемъ мы довольно бодрости на попраніе ногами и презрѣніе бездѣлицъ сихъ, которыхъ ложной блескъ насъ ослѣпляетъ: то потщимся хотя съ стоическимъ на нихъ взирать равнодушіемъ. Привергая же толь сильно сердца наши къ симъ опаснымъ и исчезающимъ богатствамъ, ударъ, разлучающій насъ съ ними, усугубляемъ. Пріуготовляемъ себѣ столь же горькія, какъ и тщетныя раскаянія и посыпаемъ жестокимъ терніемъ смертное ложе наше.

РАЗМЫШЛЕНІЕ X.

Надъ гробами людей, въ престарѣлыхъ лѣтахъ умершихъ.

Вижу я, что большая часть покоящихся здѣсь, XIV. Люстра

въ жизни своей достигли, а нѣкоторые изъ нихъ видѣли почти обращеніе цѣлаго вѣка: протекли они весь кругъ жизни; время тихими шагами препроводило ко гробу обнаженныя главы ихъ; дрожащія и безсильныя ноги не могли прескочить узкаго рва, къ которому печальная старость ихъ наконецъ привела.

Конечно немощные старцы сіи не забывали о своей смертности такъ, какъ и о Создателѣ своемъ въ молодости ихъ, когда колесница времени, коей позлащенными возжами они управляли, казалася неподвижною; когда мнилося будто легкіе часы, для нихъ останавливали скорое теченіе свое. Конечно не медлили они доколѣ возвѣщаніе бѣлыхъ власовъ ихъ о приближеніи хладной старости имъ напомнило; время то болѣзни, время мер-

 твое,

твое, въ которое какъ сѣять, такъ и плоды собирать уже поздно: жалостное то состоянiе, *въ день вонь же подвигнутся стражiе дому и развратятся мужiе силы и упразнятся мѣлющiи яко умалишася, и помрачатся зрящiи въ скважняхъ.* (*) Тогда не должны ли они желать, впасть въ летаргическое забвенiе, въ нѣкоторой родъ младенчества и глупости, скрывающей отъ нихъ собственную бѣдность ихъ, и предупреждающей тихою и непрестанною смертiю тяжкiе часы тѣ, въ которые человѣкъ самъ себѣ и прочимъ въ тягость бываетъ.

Ежели

(*) *Изобразительное изъясненiе Екклесiаста гл. 12. ст. 3. болѣзненнаго и немощнаго состоянiя старости членовъ дрожанiя, слабости зрѣнiя и души уныния.*

Ежели свѣтильники ихъ не имѣли масла въ послѣдній мракъ жизни сей, когда тѣнь смерти ихъ окружала: то какъ могли они итти купить онаго прежде пришествія жениха. (*) Ибо не упоминая уже о истощеніи болѣзненнаго тѣла ихъ, толь долговременная жизнь, проведенная въ забвеніи себя и непреложныхъ правъ Создателя, ожесточила и въ преступленіи утвердила души ихъ. Злые обычаи глубоко вкоренилися: прилѣпилися ко всѣмъ частямъ сердца ихъ: превратилися въ бытіе ихъ, и воплотилися подобно черному цвѣту на кожахъ Еѳіопскихъ или пятнамъ леопардовымъ.

Безмѣрнымъ токмо чудомъ милосердія Божія избѣгнетъ таковый

(*) *Отъ Матѳ. гл. 25. ст. 9.*

ковый человѣкъ осужденія вѣчнаго; *самъ же спасется, яко же огнемъ.* (*) Снабжаться должно запасомъ къ старости: время то зимы, въ которое земледѣлецъ плодами трудовъ своихъ наслаждается. Не начинаетъ онъ тогда раздирать земли нѣдра и сѣмена сѣять.

Правда, что Богу все возможно. Онъ реклъ: *да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ.* Скорѣе мысли, стремительнѣе молніи разпространился онъ изъ нѣдръ Создателя, и проникнулъ даже до дальнѣйшихъ областей нощи. По повелѣнію Божію наижесточайшая проказа очищается. Однимъ движеніемъ воли своея, можетъ Онъ оправдать законопреступнѣйшаго грѣшника, подобно какъ умершаго за нѣсколько

ко

(*) *Къ Коринѳяномъ гл. 3. ст. 15.*

ко дней, равно и по прошествіи многихъ вѣковъ и забвеннаго въ прахѣ гробномъ въ жизнь призвать можетъ. Но не ослѣпляйтеся надѣяніемъ на милосердіе безконечно Милостиваго Бога, о вы, сіяющіе свѣтомъ молодости, вы мнящіе всегда пребыть въ силахъ лѣтъ сихъ. Не чувствуете вы движенія колесницы, васъ влекущей: кажется она вамъ не подвижною; но отъ чрезмѣрной скорости теченія ея, та мнимая и обманчивая неподвижность происходитъ.

Пользуйтеся часами, невозвратно убѣгающими не чувствительнымъ полетомъ. Напоминайте, что можетъ быть въ то время, какъ вы нерадиво зыблетеся въ кораблѣ времени, смерть косу свою уже возноситъ и васъ жертвою своею быть опредѣляетъ.

Подобны вы безразсудной птицѣ, видѣнной мною за нѣсколько дней. Сидѣла она на вершинѣ дерева, и единственно въ попеченіи украшенія себя упражнялася. Гордяся красотою перья своего, играла перелетывая съ сучка на сучокъ. Охотникъ увидя оную, беретъ свой лукъ и пускаетъ въ нее стрѣлу; летитъ смерть на крылахъ воздушныхъ, и поражаетъ неосторожную и дерзскую птицу: тщетно трепещетъ она; и скоро лишася чувствъ и жизни, упадаетъ: таковая же участь и человѣка. Посвящаетъ онъ суетѣ тѣ часы, кои даны ему на умягченіе правосудія Божія. Похищается онъ среди дѣтскихъ забавъ своихъ тогда, когда откладываетъ съ дня на день награжденіе потеряннаго времени.

Между тѣмъ не должно сомнѣваться, что многіе изъ старцовъ сихъ конца теченія своего достигли, исполненны лѣтъ и добродѣтели. *Яко же пшеница созрѣлая во время пожатая, или яко же стогъ гумна во время свезенный* (*). Сіи были чада свѣта: не теряли они никогда изъ вида цѣли высокаго званія ихъ: всегда направляли путь свой къ жилищу небесному, гдѣ нынѣ они восприяты и увѣнчаны. Богатство ихъ не подобно было тому, которымъ отягощаются обожатели и любимцы фортуны. Злато послѣднихъ сихъ подобно сну исчезало и ихъ въ нищетѣ оставило; первые же мудряе будучи и просвѣщеннѣе, собрали богатство, котораго никакая сила лишить ихъ не можетъ. Взяли

(*) *Іова гл.* 5. *ст.* 26.

ли они его съ собою, и во вѣки имъ будутъ наслаждаться.

О коль тиха и спокойна была кончина жизни ихъ! вечеръ то былъ прекраснаго дня. Съ какою свѣтлостію очи ихъ отъ свѣта закрывалися? Напоминаніе о Искупителѣ, миръ въ души ихъ вливало; Богочеловѣкъ, пострадавши за грѣхи ихъ,ursusсталъ тогда на ихъ оправданіе. Пріятные лучи надежды сердца ихъ успокоевали и сѣнь смертную освѣщали.

Гдѣ теперь богатства земныя и искушающія прелести ихъ? Гдѣ чести и пышныя трофеи? Гдѣ вся суетная слава прелестнаго свѣта сего? Могутъ ли они хотя малое подать утѣшеніе при послѣднихъ сихъ минутахъ? Въ силахъ ли они укротить страшное волненіе мыслей и ужасъ смертной? Подкрѣпятъ ли

ки они душу, исторгающуюся изЪ темницы ея тѣлесной, среди лютаго страданія сего разлученія.

Ученики Господни торжествующими и славою окруженными при страшномЪ часѣ семЪ являются. Десница Всемогущаго немощныя главы ихЪ поддерживаетЪ: (*) изливаетЪ ОнЪ на совѣсть ихЪ спасительное миро. ОставляютЪ они мѣсто брани подобно побѣдителямЪ, исполненнымЪ славною надеждою безсмертія.

Окончалися уже болѣзни естества. Души ихЪ обнаженныя грубой земли, стремятся кЪ невидимому жилищу: не окружены уже они плачущими друзьями своими. Множество АнгеловЪ вокругЪ ихЪ стремятся: летятЪ они кЪ выш-

(*) *Второзаконія гл. 33. ст. 27.*

вышнимъ областямъ, подъ предводительствомъ небесныхъ духовъ сихъ. Изчезла изъ виду ихъ *юдоль плачевная*: простилися они вѣчно съ неплодною землею сею и развращенными ея жителями; протекаютъ многія тысящи свѣтовъ, освѣщенныхъ солнцами, блистающими независимымъ свѣтомъ: приближаются къ жительству блаженныхъ; предстаютъ предъ селеніе Бога живаго. Въ тотъ часъ согласное пѣніе Херувимовъ и Серафимовъ слышится, и пришествіе ихъ возвѣщаетъ. Пріемлются они въ Божественную Скинію. „Отверзитесь вѣчная врата да внидутъ наслѣдницы славы„.

Тогда души праведныхъ, избѣгшія нищеты и бѣдствія развращеннаго и поврежденнаго свѣта, воспріемлются въ нѣдро блаженства. Щастіе ихъ совершенно;

но; страхъ лишиться того, никогда сладость его не повреждаетъ; не имѣетъ оно предѣловъ ни въ мѣрѣ ни въ продолженіи его: (*) соединены они съ Аврамомъ, Исаакомъ и Іяковомъ во царствіи общаго Отца ихъ: присовокупляютъ они гласы свои къ хору множества Ангеловъ и

(*) *Сенека, хотя и языческій былъ Философъ, оставилъ намъ однакожъ удивительное понятіе щастливаго состоянія святыхъ душъ, избавльшихся времени тѣлеснаго. „Въ бурномъ мо-*
„рѣ семъ, говоритъ онъ, нѣтъ инаго,
„кромѣ смерти, пристанища. Полагай-
„те же предѣлы сожалѣніямъ о лише-
„ніи брата вашего. Онъ уже свобо-
„денъ; онъ въ безопасности, и состо-
„яніе его никогда не премѣнится.
„Утѣшается онъ теперь свѣтлымъ и
„чистымъ небомъ. изъ глубины мрач-
„ной темницы, въ которую онъ заклю-
„ченъ былъ, вознесся онъ въ нѣдро сла-
„вы и полности. Познаетъ свойство
„всѣхъ благъ, и высочайшимъ наслаж-
„дается блаженствомъ„. Полив. кн. I.

Святыхъ, окружающихъ сіяющей престолъ Искупителя свѣта. Наслаждаются восхищеніемъ непрерывныхъ утѣхъ, во ожиданіи славнаго дня, въ который они увѣнчаются въ присутствіи всѣхъ родовъ, кои выходя изъ праха гробнаго, предстанутъ страшному суду Всевышняго.

Безумные, полагающіе всю надежду свою на земное благо, жизнь сихъ предопредѣленныхъ человѣковъ, безуміемъ почитаютъ; кончина ихъ мнится имъ быть темною и презрительною. Но сынове они Божіи; означены въ числѣ Святыхъ. Пусть слѣпой и не просвѣщенной міръ избранныя сіи и добродѣтельныя души презираетъ; но я всю славу мою въ томъ полагаю, дабы непремѣнно шествовать по стопамъ ихъ. Истинно повторяю: вышшее и непоколѣбимое желаніе

ніе сердца моего всегда будетъ *жить жизнью, и умереть смертію праведныхъ.* О дабы часть моя подобна была части ихъ!

РАЗМЫШЛЕНІЕ XI.

На обычай погребать мертвыхъ въ храмахъ Божіихъ.

Видя сіе множество мертвыхъ, въ тишинѣ покоящихся, иные подъ предверіемъ храма, иные вдоль стѣнъ и столповъ онаго, почувствовалъ я возстающее во мнѣ негодованіе на нѣжность тѣхъ, кои осуждаютъ древній и почтенной обычай погребенія мертвыхъ при храмахъ Божіихъ. Потщися токмо употребить пристойное и нетрудное попеченіе, дабы неповреждено тѣмъ было основаніе величе-

 ствен-

ственнаго зданія сего, и предъупреждай восхожденіе вредныхъ паровъ, могущихъ произойти изъ погребовъ и гробовъ худо затворенныхъ.

Извѣстно мнѣ, что по древнему установленію Іудейскому, мертвое тѣло сообщало нечистоту свою прикоснувшемуся къ нему, да и самому мѣсту тому, гдѣ оное положено будетъ, и потому законно отдаляли они гробы отъ жительствъ, и помѣщали оныя внѣ градовъ; но сіе одно только было установленіе церкви ихъ. Какой святой ужасъ объемлетъ насъ, входящихъ во священное и страшное мѣсто сіе, гдѣ опочиваютъ тѣла предотшедшихъ въ жилище блаженныхъ. Когда видимъ подъ ногами нашими прахъ друзей нашихъ, можемъ ли забыть мы о своей смертности, объемля гробы

бы сродниковъ нашихъ? Не производитъ ли въ насъ сильнаго впечатлѣнія представляющійся намъ образъ смерти? О сколь сильно тогда дѣйствуетъ въ сердцахъ нашихъ вѣра и богопочитаніе! „Отецъ мой покоит-
„ся подъ камнемъ симъ; - - вче-
„рашній день и мать моя подъ
„этимъ скрыта: - - братъ, ко-
„тораго толь нѣжно я любилъ,
„лежитъ у основанія мрачнаго
„столпа сего. Жалостно вопію-
„щій гласъ, изъ каждой гробни-
„цы исходя, слухъ мой пора-
„жаетъ. Просятъ они меня, и
„понуждаютъ исполнить то,
„чего не достаетъ еще на совер-
„шенное очищеніе грѣховъ ихъ„.
О въ какое должны бы приводить насъ умиленіе печальныя и спасительныя размышленія сіи, и колико тѣмъ молитвы наши были бы усерднѣе и живѣе!

Первой предметъ установленія храмовъ былъ, воспріятіе въ нихъ Божества, благоволившаго особымъ образомъ токмо присутствовать; собраніе вѣрныхъ, для общаго служенія Вышнему Существу и предстояніе святымъ тайнамъ, празднественно совершающимся. Всѣ орудія спасенія нашего почтительно въ немъ хранятся. Оттолѣ то изобильнѣйше истекаютъ всѣ источники животворящаго милосердія: тамъ почтенно помѣщены изображенія святыхъ долженствующихъ быть намъ примѣрами. Священные сосуды, священническія украшенія и всѣ предметы, служащіе къ воспоминовенію намъ таинства искупленія нашего, хранятся въ мѣстѣ семъ, единственно къ тому опредѣленномъ.

Не

Не избранные ли же сосуды и тѣла вѣрныхъ? Не всѣ они можетъ быть надъ міромъ побѣду одержали, и страданію божественнаго учителя ихъ сообщилися; но любовь намъ того о нихъ внушать не должна. Намъ ли пристойно различать изверженныхъ отъ избранныхъ, и лишать ихъ почтительнаго погребенія? Не принадлежатъ ли они Всемогущему? Особое попеченіе Его о нихъ доказываетъ намъ непреложное Его на нихъ право: запечатлѣнны они печатію безсмертія. Не точно ли повелѣваетъ Онъ храненіе драгихъ остатковъ избранныхъ Его? Поручилъ Онъ Океану и гробницамъ хранить ихъ до дня, въ который по повелѣнію Его отдадутъ они намъ ввѣренное. Ничто предъ Нимъ сего драгоцѣннѣе быть не можетъ. Горы,

скрывающія въ себѣ блистающіе камни, злато и сребро, преданы будутъ пожирающему пламени со всѣми сокровищами ихъ. Солнце, земля и множество блистательныхъ звѣздъ, сводъ небесный украшающихъ, погружены будутъ во тьму и преданы совершенному истребленію; когда тѣла праведныхъ отъ всеобщаго погубленія сего сохранены будутъ: соединены съ душами своими вознесутся они въ селеніе святое, гдѣ воспріяты будутъ въ число служителей вѣчнаго и блаженнаго Царя Царей.

Церковь, общая сія Матерь, со удовольствіемъ видѣла ихъ входящихъ въ храмъ свой во время жизни ихъ; день то былъ торжества ея. Омыла она ихъ спасительною водою прерожденія: освятила таинствомъ священства своего; излила на нихъ

благо-

благословенїе свое; миромъ облагоухала и съ честїю воспрїяла на трапезу Агнца. Почто же отринуть ей ихъ отъ самаго того же храма по смерти ихъ? Почто лишать ихъ права молитвъ и жертвоприношенiй ея? Они и теперь ея чада.

Не истинный ли и непрестанный Господь тѣлесъ нашихъ Iисусъ Христосъ? Искупилъ Онъ ихъ не цѣною злата и сребра, гиблющихъ и тлѣнныхъ богатствъ, но неоцѣненною Божественною кровїю Своею. И какъ можемъ ли мы подумать, что не благоволитъ Онъ упокоенїя ихъ при собственномъ храмѣ Его?

Воспомянемъ, что жилище они Святаго Духа; что удостоилъ Онъ ихъ Своимъ присутствїемъ, обитая въ нихъ. По толь славной и великой отличности, какъ осмѣливаются возставать

вать на древній и справедливый обычай ввѣрять храмы сіи, возлюбленное созданіе Божіе, при храмахъ, созданныхъ руками человѣческими? Не была ли бы то напротивъ того явная несправедливость, когдабъ отвержены были сіи избранные сосуды, орудіи добродѣтели и славы? Смерть ихъ разрушила, но части того драгоцѣннаго и рѣдкаго металла: старательно должно хранить ихъ, и помѣщать въ отличныхъ мѣстахъ. Ктожъ можетъ воспрепятствовать чадамъ входъ въ домъ Отца ихъ, для маловременнаго упокоенія, быть пріятнымъ при земныхъ обиталищахъ божества, коль скоро воспріяты они будутъ въ небесное жилище Его, гдѣ ожидаютъ ихъ вѣчная слава и блаженство? Опочивайте же почтенные прахи, опочивайте съ покоемъ

емъ подъ тѣнію священнаго свода сего, доколѣ проницательной звукъ трубной раздастся въ подземныхъ хранилищахъ вашихъ, возвѣщая вамъ блаженное ваше возстаніе: возстаньте! блистайте! свѣтъ вашъ является, и слава Божія васъ объемлетъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ XII.

Надъ гробомъ Воина.

Какой то монументъ въ передней части огражденія сего глаза мои поражаетъ? Не только поставленъ онъ на возвышеннѣйшемъ предъ прочими мѣстѣ; но пышнѣе и величественнѣе всѣхъ является. Мечи, копья, военныя збруи и орудіи смерти, его ужасающимъ великолѣпіемъ украша-

ша-

шаютъ. - - Гробница то нѣкоего знатнаго Воина. Страшная пышность, прахъ его окружающая; конечно дань есть чести, памяти храброму сему предводителю, за принесенную имъ въ жертву жизни своей отечеству.

Какою же честїю! какими безсмертными почестьми должны мы великому Творцу искупленїя нашего, славнѣйшему Мученику, добровольно кровь свою за грѣхи наши излившему, хотя и вышнїй Онъ повелитель Ангельскихъ легеоновъ и всѣхъ Воевъ небесныхъ!

Герой сей умеръ; но онъ былъ смертенъ, и предалъ жизнь, которою издревле долженъ былъ правосудїю Божїю. Естьли бы враги отечества ее не похитили, то естество бы скоро оную, какъ принадлежащїй ей долгъ, отъ него потребовало.

Iисусъ

Іисусъ Христосъ, равный Всевышнему, источникъ жизни, начало всякаго бытія, Существо существъ, тотъ, достоинствомъ котораго получили мы вѣчное блаженство, присоединившій насъ къ славѣ Своей; безсмертный, хотя и облекся плотію нашею, и былъ по подобію нашему. О чудо! О небеса! удивляйтеся! ужасайтеся! Онъ вкусилъ смерть, Онъ изверженъ изъ земли живыхъ! Тотъ, который засвидѣтельствованъ истинный Богъ и жизнь духовная.

Предаваться опасности за службу Государя и защищеніе отечества своего, безъ сомнѣнія славное и великое есть дѣло; но Воинъ то дѣлать былъ принужденъ: отрицаніе отъ сего низвергло бы его въ стыдъ и поношеніе.

Іисусъ

Іисусъ Христосъ вооружается, вѣрно зная низложеніе Свое. Предвидитъ Онъ казнь неминуемую: взираетъ на нее во всемъ ея ужасѣ. И за кое же приносится въ жертву Царь Царей и Господь Господей? За преслушное и Его отвергающееся созданіе, за осужденныхъ грѣшниковъ, недостойныхъ Его милосердія, за преступниковъ, коихъ можетъ Онъ оставить погибать во грѣхахъ ихъ, и предать мщенію правосудія, не повреждая безконечнаго Своего милосердія.

Сей во мгновеніе ока пораженъ; смерть не явя ему страшнаго и ужаснаго образа своего, вдругъ пресѣкла нить его жизни.

Божественный Искупитель напротивъ того испустилъ духъ въ жесточайшемъ и долговременномъ мученіи; видъ болѣзней и стра-

страданія, готовящіяся терзать Святое Человѣчество Его, толь живо ему представлялися, что кровавый потъ изъ всего тѣла Его исходилъ; одежда Его, и самые камни тою обагрилися. Наконецъ претерпѣвъ поношенія и всякаго рода мученія, кои предшественники только были поносной Его казни, немилосердые мучители укоряя Его, ко Кресту пригвоздили. Ахъ! сколь медлѣнны и несносны были часы тѣ, въ которые славной Мученикъ сей висѣлъ! Какой болѣзненной видъ Богу, Ангеломъ и человѣкомъ! Обезображенное лице Его, пронзенныя руки и ноги, тѣло Его ранами покрытое и душа въ несказанной горести погруженная: все естество тогда ужасалося и соболѣзнованіе свое страшными знаками являло. Земля не могла понести не слыханнаго

наго сего жестокосердія: потряслася она даже до основанія своего; страшное ея трепетаніе во ужасъ и отчаяніе жителей ея ввергло. Солнце злодѣйство таковое освѣщать отверглося: среди теченія своего, оно міръ въ глубокой тьмѣ оставило. Ужасъ богоубійства сего востревожилъ отдаленнѣйшія области смерти; гробницы отверзлися, являлися страшныя привидѣнія, и каменіе разсѣдалися.

О душе моя! не забывай, что то за тебя Агнецъ Божій безчеловѣчной жертвѣ сей былъ преданъ, что наилютѣйшую онъ претерпѣлъ смерть; и что убійцы Его неслыханнымъ варварствомъ принудили Его помалу испить каждую каплю горькой Его чаши.

Воинъ окончилъ дни свои на ложѣ чести: храбро палъ онъ

на

на мѣстѣ брани, покрытъ ранами славы.

Іисусъ Христосъ умеръ подобно ненавистному преступнику, на поносномъ висящь древѣ; тѣло Его было растерзано безчестными орудіями: испустилъ душу на проклятомъ древѣ, имѣя ошуюю и одесную двухъ великихъ злодѣевъ, повѣшенъ между небомъ и землею, какъ недостойный оныхъ, и извергъ всего естества.

О какую горящую любовь должно возжечь въ насъ сіе позорище къ божественному Искупителю нашему, умирающему въ безчестіи для вознесенія насъ въ славу, умирающему въ лютѣйшихъ и несноснѣйшихъ болѣзняхъ, для возведенія насъ въ жизнь высочайшаго блаженства.

О неблагодарные мы и нечувствительные смертные,

нѣтъ, не можемъ сами мы оцѣнить безмѣрной благодати нашего искупленія! Ты единъ, о божественной Избавитель! можешь дать намъ познаніе цѣны сей. Воздвигни въ душахъ нашихъ вѣчной храмъ благодаренія; начертай въ нихъ память неисчетныхъ даровъ Твоихъ; да изобразятся они неоцѣненною кровію сею, которая изъ всего божественнаго тѣла Твоего истекала, и напишутся копіемъ, священное ребро Твое прободшимъ. Да не истребятся вѣчно слова сіи въ сердцахъ нашихъ! да ужасъ въ насъ грѣховный подобенъ будетъ тому трепету, которымъ объято было все естество, видя Создателя своего, послѣднее дыханіе испускающаго.

РАЗ-

РАЗМЫШЛЕНІЕ XIII.

О суетѣ надгробныхъ украшеній.

Прежде нежели оставилъ я гробницу благороднаго воина сего, не могъ удержаться, чтобъ не предосудить суетной обычай пышнаго гробовъ украшенія и надменныхъ надписей на нихъ. Не уже ли гордость и въ самомъ низложеніи своемъ торжествовать желаетъ? Сіи искусно устроенныя гробницы, великолѣпно воздвигнутыя Мавзолеи, не погибнутъ ли и сами? Избранная рѣзьба на драгоцѣнномъ мраморѣ есть слабое награжденіе за долговременные и достопамятные подвиги. Сіяющее достоинство сего сына отечества наилучше изображено въ памяти согражданъ его. Оно жить будетъ

детъ въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ ихъ; имя его переходить будетъ изъ рода въ родъ, доколѣ пребудетъ его отечество. Почто же прибѣгать къ безсильному искусству, коего произведенія скоро падутъ подъ сѣкирою времени.

Но что же вѣщаютъ мнѣ слова, изображенныя съ толикою гордостію на камнѣ семъ, или на стѣнахъ и столпахъ храма сего? *Здѣсь лежитъ великій* - - - камень лживый! гдѣ онъ? Тутъ ничего, кромѣ малаго количества праха не находится.

Монументъ, коего я себѣ по смерти моей желаю, есть тотъ, чтобъ жить въ сердцахъ согражданъ моихъ; дабы друзья мои могли дать о мнѣ славное свидѣтельство сіе, что жилъ я не для одного себя; - - чтобъ бѣдный, проходя мимо гроба моего, оста-

остановясь при немъ, и нѣжнымъ движеніемъ благодарности преклоняся сказалъ: „ Здѣсь опочи-
„ваетъ тотъ, коего благость
„нѣкогда мнѣ вспомоществовала,
„который не гнушался посѣщать
„меня въ моей хижинѣ, когда
„лежалъ я на одрѣ нищеты и
„печали; - - - который скоро
„доставилъ мнѣ, необходимо
„нужное. - - - Я жизнію насла-
„ждаюся, - - и избавленъ горе-
„стнаго состоянія моего, его
„милосердымъ попеченіемъ; его
„мудрыми и человѣколюбивыми
„утѣшеніями. „ Мавзолей, котораго я желаю, есть тотъ, дабы человѣкъ, погруженный нѣкогда въ невѣжествѣ и невѣріи, ступая на прахъ мой, возведъ очи свои на небо, въ себѣ сказалъ:
„Здѣсь скрыты остатки искрен-
„няго и мудраго друга моего,
„призрѣвшаго душу мою. Ни-

„когда изъ памяти моей не вы-
„детъ то, въ какомъ ослѣпленіи
„шествовалъ я по пути поги-
„бельному; содрогаюся я еще,
„помышляя, какому лютому па-
„денію я подвергался, естьлибъ
„вѣрныя его увѣщанія у самаго
„края бездны меня не останови-
„ли. Не зналъ я основаній мо-
„его закона, не зналъ почти и
„того, что есть онъ на земли.
„Его нѣжныя и спасительныя
„наставленія отверзали мнѣ очи,
„и свѣтъ Евангельской явили."

Но наилучшее и желательнѣйшее украшеніе надгробное есть то, чтобъ утвердить званіе свое сообразнымъ поведеніемъ святыни; то есть удостоиться и именамъ нашимъ написаннымъ быть въ книгахъ жизни. Тогда можемъ мы быть презрѣнны и забыты отъ человѣковъ; но пребудемъ въ вѣчной памяти

предъ

предЪ Богомъ. НевЂрная и скоропреходная слава не обнародуетЪ именЪ нашихЪ пышными и сомнительными словами, вЪ теченіи однаго или двухЪ вЂковЪ; но безсмертная труба Архангельская провозгласитЪ ихЪ во вЂки.

О любочестіе человЂческое! обрати вниманіе твое на толь великой и благородной предметЪ. помысли, что сіятельныя имена тЂ, которыя ты на мраморЂ высЂкаешь, скоро сотрутся; на писанныя же вЪ книгахЪ, избранныхЪ никогда изЪ архивы вЂчности, исключены не будутЪ; всЂ сіи сказательныя и символическія изображенія, коими ты суетно украшенія свои обременяешь, правосудіе сіе сЪ обнаженнымЪ мечемЪ и вЂсами, сила сЪ страшною ея булавою, цЂломудріе сЪ зеркаломЪ и зміями, за-

конѣ съ Потиромъ, всѣ сіи Эмблематическія добродѣтели скоро истребятся. Живы же пребудутъ и по разрушеніи всего свѣта однѣ тѣ, кои въ сердцахъ человѣческихъ обитали. Торжественныя дуги и мѣдныя статуи низвержены будутъ непреоборимою рукою времени; но имена святыхъ никогда не погибнутъ, вѣчно пребудутъ онѣ въ памяти Создателя.

О безконечное милосердіе Бога моего! благоволи услышать мое моленіе! не желаю я во время жизни моей пребывать подъ позлащенными кровами, ни по смерти низходить въ богато украшенныя гробницы, кои искусство и ласкательство падшей гордости воздвизаютъ. Единственной предметъ желаній моихъ есть тотъ, дабы удостоиться имени моему написанну

быть

быть въ безсмертномъ спискѣ избранныхъ твоихъ, и предстоять престолу Искупителя міра. Не ищу я иной чести. Погибнутъ вѣки въ пространномъ океянѣ вѣчности; высокія дѣла Героевъ въ забвеніе погрузятся; когда слава, ни чѣмъ не помрачаемая, добродѣтели святыхъ провозгласитъ; пребудетъ она по вѣкахъ и вѣчно безсмертнымъ сіяніемъ блистать будетъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ XIV.

Надъ гробами великихъ людей.

Приходя такимъ образомъ каждый день бесѣдовать съ прахомъ соотчичей моихъ, и мысленно переходя лѣта вѣчности, испросилъ я наконецъ дозволеніе войти въ нѣкоторой погребъ,

въ которомъ одни знатнѣйшіе мертвецы хранены быть право имѣли. Желалъ я познать жилище то и жителей онаго. Скрыпятъ со стономъ на крючьяхъ своихъ печальныя врата: кажется будто противу воли своей они отверзаяся, жалуются на дерзновеніе мое. Но отъ чего же вдругъ ужасной трепетъ сей меня объемлетъ? Содрогаюся, приступая посѣщать блѣдной родъ смерти; колеблются ноги мои. Ободрись мой духъ, нѣтъ никакой опасности въ спокойномъ жилищѣ семъ, здѣсь и самозлобнѣйшій уже не устрашаетъ.

Боже мой! какое ужасное позорище! сколь страшно обиталище сіе! тутъ царствуетъ вѣчная тьма; древняя ночь область свою тутъ утвердила. О какъ темна и глубока пустыня сія! каждый предметъ нанося печаль

зрѣ-

зрѣнію, сердце наполняетъ страхомъ; кажется что болѣзнь и ужасъ жилище свое въ уединенномъ убѣжищѣ семъ утвердили. - - - Какой жалостной гласъ слухъ мой поражаетъ? Подземный сей сводъ повторяетъ каждый мой шагъ. Долго покоящееся здѣсь ехо отъ сна возбудилося; и слышу я его глухо ропщущаго вдоль стѣнъ сихъ. Нѣсколько лучей свѣта проницаютъ со мною въ сіе дню неприступное мѣсто, и падаютъ на позлащенныя бляхи, коими покрыты гробы. Слабой свѣтъ отражается ими на мрачное огражденіе сіе. Большая часть украшеній гробовъ сихъ скрыта во мракѣ; освѣщенная же печальнымъ и мрачнымъ свѣтомъ, ужасъ страшнаго жилища сего увеличиваетъ.

Раз-

Разсматривая ближе, познаю я, что покоящіяся здѣсь нѣкогда были сильнѣйшіе и богатые вѣка своего. Ни одинъ изъ простыхъ мертвецовъ не нисходитъ подъ сводъ сей, опредѣленной для храненія токмо праха людей великихъ. Благородные, земные полубоги присвоили себѣ мѣсто сіе. Простерли преимущество тщетныхъ достоинствъ своихъ даже до гробовъ: опочиваютъ они печально среди молчной пышности, подъ богатымъ украшеніемъ, тѣла же простолюдимовъ, безъ всякаго тщанія вметаются поспѣшно въ ровъ, землею покрываемый.

Мысль моя выходитъ изъ ужаса, и думаю, что нѣтъ здѣсь иныхъ страшилищъ, кромѣ тѣхъ, кои воображеніе наше намъ внушаетъ; но удивленіе мое еще продолжается. Какъ симъ людямъ

дямъ, не возмогшимъ нѣкогда постигнуть глазами своими обширность владѣнія ихъ, предоставлено здѣсь малое только то мѣсто, которое занимаетъ гробъ ихъ! Гдѣжъ пышныя украшенія внутренностей пространныхъ ихъ зданій? Одежда ихъ здѣсь простая, и жилище темный погребъ, множество служителей за ними уже не слѣдуютъ; ласкатели не окружаютъ. Не вижу я гордыхъ и слухъ поражающихъ колесницъ, кои нѣкогда влекли множество поклонниковъ ко вратамъ дворовъ ихъ. Народъ на пути ихъ уже не стекается для зрѣнія великолѣпнаго шествія ихъ, завидуя или лаская имъ корыстными рукоплесканіями. Земные Князи сіи здѣсь въ забвеніи и оставлены: не должны они уже ожидать никакихъ почестей: ихъ подданные не познаютъ ихъ;

радуются они можетъ быть избавяся тягостнаго ига самовластнаго ихъ владѣнія. Гдѣ теперь тщетныя украшенія ихъ? Гдѣ вѣнцы, на гордыхъ главахъ ихъ блистающіе? Гдѣ всѣ знаки чести ихъ? Не вижу я здѣсь ничего, кромѣ печальныхъ изображеній на нечувствительномъ мраморѣ изсѣченныхъ; стертые гербы, сокрушенные щиты, черныя знамена, кои кажутся торжественно простерты надъ побѣжденными плѣнниками. Вотъ что послѣдовало только въ гробы за сими обладателями міра!

Гордящіяся нѣкогда высокимъ родомъ своимъ, славящіяся происхожденіемъ отъ многихъ Царей, теряютъ здѣсь свое превосходство: не познаютъ уже они ни съ кѣмъ родства и свойства своего, кромѣ презрительныхъ несѣкомыхъ, тлѣнію говорятъ

они:

они: „Ты отецъ мой; и червямъ, ты мать и сестра моя„.

О истинна, низлагающая гордость! сколь способна ты утолить въ насъ жажду къ гиблющему величеству! тщетной дымъ сей нынѣ кажется намъ истиннымъ предметомъ, достойнымъ удивленія и исканія нашего. Безумное желаніе украшаетъ тонкіе пары сіи, разпещряя ихъ прелестнѣйшими красками. Но чтожъ уже всѣ суеты сіи тогда, когда смерть прогнавъ привидѣніе, прекратитъ волшебныя его прелести! Честь, что ты тогда? Забвенное сновидѣніе. Величество, чины, что вы? Пузырь воздушный, носившейся одну минуту по пѣнѣ волнъ. Почтенія, почести, поклоненія, что вы? Убѣгающая и изчезающая тѣнь.

О душе моя! остановися тутъ на нѣсколько времени, разсмотри ослѣ-

ослѣпленіе страстей, и волшебство, обольщающее чувства. Но дабы вѣрняе то оцѣнить, полагай себя на мѣстѣ сего великаго господина, здѣсь покоящагося; и оттуда возведи очи твои на блистательнѣйшее величество жизни сей. Чтожъ оно изъ точки сего зрѣнія?

Печальные остатки великихъ именъ и пышныхъ чиновъ, сколь многою обязанъ я вамъ благодарностію! Вы, болѣе всѣхъ читанныхъ мною книгъ, ничтожество твари сей мнѣ явили. Слабая плащаница, Царя покрывающая, сосудъ, прахъ его содержащій уразительнѣйшія суть доказательства суеты честолюбія. Никогда, нѣтъ никогда, не видалъ я истинны сей толь живо изображенной, какъ на прахѣ сильнаго человѣка сего. Пусть иные стремятся искать милости въ на-

наслѣдникахъ его тѣми же чинами и почестьми облеченныхъ, пусть рабски служатъ имъ для пріобрѣтенія отъ нихъ милостей и преимуществъ: а я пойду ко гробамъ предковъ ихъ для пріобрѣтенія науки, ничего не просить отъ людей великихъ.

Что слышу я? Какой звукъ поражаетъ слухъ мой? Наималѣйшій шумъ въ мѣстахъ сихъ устрашаетъ. - - - Важно, величественно и глухо проницаетъ онъ сводъ сей, гласы повторяющій, и тѣмъ увеличиваетъ ужасъ мѣста сего: мертвенный то гласъ колокола. Можетъ быть возвѣщаетъ онъ, что нѣкто изъ гражданъ теченіе свое окончилъ: кажется, что каждый ударъ есть напоминаніе намъ часа смерти, и что кричитъ онъ во уши разума моего: „Искупляй время; не упу„скай удобнаго часа, доколѣ не

„прошелъ онъ, и прежде нежели „онъ улетитъ невозвратно. „Разстоянie жизни безпрестанно „сокращается; минуты летятъ „распростертыми крылами. Скоро „ро приближишся ты къ предѣлам „ламъ вѣчности; ты безпрестан„но приближаешся къ состоянiю „тому, въ которомъ видишь „здѣсь тебѣ подобныхъ„.

О дабы наставленie сie глубоко въ мысль мою вкоренилося! Дабы всю жизнь мою я посвящалъ наукѣ премудрости сердца моего, и дни мои щиталъ добродѣтельми и дѣлами благими!

Часто обращалъ я стопы мои къ каменной горѣ, которой наклоненная на подобie дуги вершина казалося, что угрожаетъ меня поглощенieмъ при скоромъ паденiи своемъ. Останавливался подъ пространными пещерами на мысѣ, висящемъ надъ водами. Многажды

гажды проходилъ я великое пространство пустынь безплодныхъ и проницалъ въ глубочайшія убѣжища мрачныхъ пещеръ; но нигдѣ естество толь темно и ужасно, какъ подъ уединеннымъ и безмолвнымъ сводомъ симъ мнѣ не казалося. Не чувствовалъ я никогда толь страшнаго ужаса. Уныніе, горестное уныніе тутъ черныя и печальныя крылья свои простираетъ: оставимъ мрачное и ужасное мѣсто сіе. Прости жилище отчаянія и плача, я возвращаюсь наслаждаться зрѣніемъ царствующаго свѣта.

РАЗМЫШЛЕНІЕ XV.

Надъ отпертымъ гробомъ.

Назавтре возвратился я къ прежнему мѣсту размышленій моихъ;

ихъ; нашелъ отверстой тамо гробъ, и вырытое мѣсто для того, котораго кончина вчера возвѣщена мнѣ была печальнымъ звономъ. Частыя мои посѣщенія страшное жилище сіе, пріучили меня къ мысли и образу разрушенія. Я отважился спуститься въ ровъ сей, который нашелъ наполненной костями и гробами, въ половину истлѣвшими. Приближился я къ одному изъ сихъ одровъ праха; и дрожащею рукою приподнялъ доску оной покрывающую. Ахъ! какой страхъ и горесть объяли тутъ меня, видя чудную измѣну, въ которую смерть насъ преобращаетъ, и что теперь уже стали сіи воздушныя бытія, которыя нѣкогда были человѣки. Содрагаюся, видя поношеніе естества нашего въ подземномъ жилищѣ семъ.

Со-

Собраніе пріятностей въ ужасное безобразіе превратилося. Уста сіи, прельщающіе нѣкогда пріятною усмѣшкою, ничего уже кромѣ страшнаго вида не представляютъ; очи, которыхъ сіяніе алмазы помрачало, кои нѣкогда огненныя стрѣлы, во глубину сердца проницающія, испускали. Увы! Гдѣ они теперь? Гдѣ искать блистательный огнь сей, стремительно изъ голубаго свода сіяющей зеницы исходящій? Гдѣ огненные взгляды, произносящіе мысли скоряе и явственнѣе самыхъ словъ? Не вижу я здѣсь ничего, кромѣ двухъ страшныхъ и ужасъ производящихъ впадинъ. Языкъ, всѣ прелести согласія изъясняющій, покоряющій духи силою краснорѣчія своего, порабощенъ молчанію въ земли сей чуждей, куда дѣвался пріятной сей гласъ, слухъ услаждающій? Не преоборимая

римая власть, сердца и разумы наши покоряющая; великой учитель краснорѣчія и пѣнія сталъ быть подобенъ молчаніемъ нощи, его окружающей. Тѣло сіе, бывшее нѣкогда предметомъ толикихъ попеченій, одѣваемое драгими и тонкими одеждами, нѣжно опочивающее на мягкомъ пухѣ, лежитъ теперь простерто на доскѣ или грубомъ свинцѣ. Жена, едва отваживающаяся ступать на испещренныхъ цвѣтами лугахъ, опасаяся повредить нѣжныя ноги свои, покрыта теперь землею и снѣдаема пожирающею известію.

Здѣсь сильнѣйшіе люди противъ воли ихъ попираются; крѣпкія мышцы ихъ упругости своей лишилися, и обнаженныя кости ихъ не поддерживаютъ уже сильныхъ ихъ составовъ.

Уединенныя убѣжища сіи подобны храму Соломонову: не слышны тупъ біенія млатовъ, ни громъ толпящихся колесницъ; отрекался тутъ купецъ своей торговли, воинъ своихъ кровопролитныхъ дѣйствъ; гробъ есть предѣлъ, останавливающій всѣ намѣренія человѣческія.

Здѣсь чада роскоши вѣчно прощаются съ любезнѣйшими ихъ услажденіями: не изливаютъ уже они на тѣла свои пріятныхъ благоуханій, не украшаются вѣнцами: не утѣшаются винными пирами, вмѣсто столовъ, отягченныхъ сладкими ѣствами, самъ роскошелюбецъ служитъ столомъ и пищею; пресмыкающіяся въ тишинѣ и безъ страха питаются гніющимъ тѣломъ его.

О какъ поблекли красоты розы! Коль блѣдны и томны лилеи въ мрачномъ жилищѣ гроба!

О какое презрѣніе изливаетъ смерть, сія великая опредѣлительница цѣны суеты свѣтской, на все то, что во ономъ насъ плѣняетъ!

Кажется мнѣ, что вижу я страстнаго любовника, содрагающагося отъ ужаса и удивленія, взирая на красоту, нѣкогда его прельщавшую. „Сія ли то, во-„піетъ онъ, къ которой сердце „мое нѣжною горѣло любовію? „Въ восхищеніи говаривалъ я: о „сколь она прекрасна! Боже-„ственною она мнѣ казалася. „Удивлялся я стройности тѣла „ея и величественному виду: „колико пріятностей было въ „малѣйшихъ ея тѣлодвиженіяхъ! „Коль прелестенъ голосъ ея! „Произношенія его во глубину „сердца моего проницали. Улыб-„ка пріятнѣе была нѣжнаго свѣ-„тила, нощь измѣряющаго„.

Но

Но, возможно ли? ахъ! чтобъ сія прелестная красота въ толь малое время предметомъ такъ ужаснымъ стала. Гдѣ румяное лице ея? Гдѣ прекрасныя уста? Гдѣ грудь, бѣлизна, которая кость слоновую превосходила, на коей прекрасные власы ея съ толикою пріятностію нѣжно простиралися? Какая ужасная премѣна во всѣхъ чертахъ ея! О безуміе! обожалъ я скоропреходное явленіе; почиталъ его свѣтиломъ: отрѣшилося оно отъ небеснаго своего круга съ непонятною скоростію. Погасъ блистательный пламень; самые пары его исчезли, и ничего уже кромѣ малаго количества праха не осталося.

Покойся здѣсь, нещастная Флорида, покойся въ глубокомъ мракѣ семъ. Да покроетъ нощь непроницаемою темнотою своею

прахъ твой! Да уподобится жилище твое настоящему твоему состоянію; дабы ни одинъ изъ смертныхъ не былъ свидѣтелемъ ужаснаго паденія твоего! Но, о дабы сестры твои, не менѣе тебя красотою сіяющія, помышляли о томъ, что ты теперь, въ то время, когда прелестное изображеніе чертъ лица ихъ съ пріятною усмѣшкою вѣрное стекло имъ представлять будетъ! Да помыслятъ онѣ тогда, что суета, сердца ихъ уловляетъ. Да напомнятъ, что покровъ ужаса скоро можетъ быть пріятности ихъ, подобно твоимъ, сокроетъ. Да присудствуетъ размышленіе сіе при разсматриваніи ими ихъ прелестей, о украшеніи которыхъ безпрестанно они пекутся; и тѣмъ возбудитъ въ нихъ болѣе ревности ко украшенію совершенства душъ, нежели

жели скоро исчезающихъ тѣлъ ихъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ XVI.

На гробъ Адама.

Зрѣніе многочисленныхъ сихъ знаковъ побѣды смерти, напомнило мнѣ печальную участь первѣйшаго человѣка. Протекъ я мысленно до мѣстъ древней его гробницы. Тамъ казалося мнѣ, что вижу я сего Отца рода человѣческаго и Царя всего земнаго бытія, лежащаго простерта болѣе шести тысячь лѣтъ у ногъ Ангела истребителя. Казалося мнѣ, что слышу я еще страшной гласъ, возопившій къ нему съ высоты небесъ, по преступленіи имъ заповѣди его Создателя: „ Адамъ, что ты „ сдѣ-

„здѣлалъ? Какое опустошеніе
„по всей землѣ произвело твое
„преслушаніе! „ О нещастная и
непостижимая злоба грѣха! имъ
смерть вошла въ міръ, имъ вооружилися противу человѣка всѣ
стихіи. Превратился огнь небесный въ мстительную молнію,
на истребленіе гордаго и непокориваго созданія сего; воды
вознесли волны свои до облакъ,
на поглощеніе его; воздухъ наполнился ядовитыми парами, проницающими грудь его законопреступную, земля острыя тернія воздвигла, дабы остановить
дрожащія стопы преступника,
бѣгущаго отъ лица Божія. Грѣхъ
изрылъ всѣ сіи окружающіе меня
гробы; онъ навлекъ напасть на
превосходящее ихъ всѣхъ созданіе. Ненасытное мщеніе его гнало насъ даже за предѣлы смерти.
Онъ отверзлъ намъ врата адовы.

Все нещастное племя Адамово туда было бы низвержено, естьли бы божественный Ходатай нашъ не предсталъ среди Судіи и преступника и не понесъ на неповинномъ тѣлѣ своемъ удары, долженствующіе пасть на законопреступныя главы наши.

Какова же должна быть признательность наша! коликою должны мы пылать любовію къ такому благодѣтелю! Но ты, о ненавистный грѣхъ, какова достоинъ отъ насъ омерзѣнія! Ахъ! дабы каждый разъ, когда ты представишся глазамъ моимъ подъ прельщающими и обманчивыми твоими видами, гнусныя тѣла мертвыхъ воздвигнувшись поспѣшно изъ пещеръ своихъ, являли мнѣ ужасное свое безобразіе! Дабы кости ихъ съ шумомъ угрожающія руки свои на меня подъяли! И изсохшія уста

ихъ разверзшись страшнымъ гласомъ, изъ гробовъ мнѣ слова нѣкогда тѣнію Самуиловою трепещущему Монарху вѣщаемыя возопили: „Предастъ Господь и „тебя рукѣ смерти: еще мало и „со мною будеши! Человѣкъ„. внемли сему увѣщанію; предавайся грѣху коль можешь на то отважиться, и будь спокоенъ въ немъ, коль то тебѣ возможно.

Ахъ! ежели изреченъ уже приговоръ мой! коль преступникъ я, невозвратно на смерть осужденный; да умру грѣху, прежде издыханія подъ рукою вѣчнаго правосудія! Коль тѣло мое, хотя и чудесно созданное, должно разрушиться во гробѣ: то о дабы единственное попеченіе мое было о святомъ упражненіи онаго, доколѣ имъ обладаю! Да послужитъ оно ко оправ-

правданію моему! И да будетъ сосудъ чести и славы.

Да прострутся руки мои въ помощъ несчастнымъ; да будутъ всегда готовы на подаяніе; да преклонятся колѣни мои въ уничиженіи покаянія, предъ престоломъ милосердія; да устремятся очи мои на землю, въ смущеніи раскаянія, или воздвигнутся на небо въ надеждѣ любви; да пребудетъ законъ милосердія въ устахъ моихъ во всѣхъ моихъ бесѣдахъ. Отвратися слухъ мой отъ глаголъ нечестивыхъ и безбожныхъ; - - ноги мои теките не въ бесѣды людей непросвѣщенныхъ и свѣту преданныхъ, но въ храмъ Господень, къ жалостному одру болящаго, въ печальную хижину нищаго и болѣзненное мѣсто въ темницѣ сѣдящаго! А вы, мастьми тѣла мертвыхъ облагающіе, не истоще-

щевайте трудовъ вашихъ на мое тѣло; отдайте нещастнымъ цѣну ароматовъ сихъ. Почто покрывать тѣло цвѣтами и благовоніями, относя оное въ жилище пресмыкающихся и гнилости? Не желаю я иныхъ ароматовъ кромѣ добрыхъ дѣлъ моихъ; --- сіи то благоуханія понесу я во гробъ мой. Облекшись ими, тихо возлягу я въ оной; и усну доколѣ Всевышній Судія пріидетъ воздвигнуть изъ праха кости мои, *и очистятся подобно сребру, изъ горнила исходящему.*

РАЗМЫШЛЕНІЕ XVII.

На гробъ Іисуса Христа.

Разсмотря жилище, обитаемое по смерти своей подобными мнѣ, восчувствовалъ я святое желаніе ви-

видѣть мѣсто, гдѣ положено было божественное тѣло Господа и Искупителя нашего. Въ тотъ часъ душа моя вознесшись на крылахъ разсужденія, пренеслася въ вертоградъ, соединяющійся съ горою Голгоѳскою: представилъ я себѣ святое тщаніе, съ которымъ ученики объяты будучи горестнѣйшею болѣзнію; съ древа крестнаго окрававленное и бездыханное тѣло Господне снимали. Представилъ я себѣ глубочайшую печаль, въ которую погружена была святѣйшая и нѣжнѣйшая изъ всѣхъ Матерь, препровождая печальные остатки божественнаго Сына Ея. Казалося мнѣ, что вижу я еще острой мечь, матернее сердце Ея пронзающій. Легеоны Ангеловъ съ плачемъ шествіе сіе препровождали и все естество было въ печали и унынiи. Какое отчаянное молчаніе послѣдовало

за поношеніями, коими отягощали Богочеловѣка, дышущаго на Крестѣ! Жестокосердые его убійцы и неправедные судіи въ отчаяніи возвращалися, ударяя въ перси своя. Слѣпое бѣснованіе дало мѣсто отчаянному раскаянію. *Воистинну сей Сынъ бѣ Божій.* Невольное восклицаніе сіе изъ устъ всѣхъ исходило: жертва то, которую Евреи, вышедъ изъ ужаснаго заблужденія своего, противу воли своей воздаютъ истиннѣ; и не желая, надгробную похвалу Царю своему, коего они умертвили, приносятъ; какой же Монархъ по смерти своей похвалъ таковыхъ удостоился?

Но вотъ нахожуся я уже у входа пещеры, гдѣ положили ученики Спасителя міра. О колъ различно позорище сіе отъ того, которое предъ симъ толикою горе-

горестію взоръ мой поражало! Не гробъ я вижу тутъ; но монументъ славы, побѣдныя врата, стражи, поверженные на землю, камень, гробъ покрывающій, опровергнутъ, Ангелъ въ бѣлой одеждѣ, блистающій подобно снѣгу, у отверстія гроба сѣдящій, и издали ко мнѣ вопіющій: *Нѣтъ здѣсь того, котораго ты ищешь. Воскресъ Онъ*; сколь неподобна надпись сія читаннымъ прежде мною, кои всѣ тѣмъ начинаются: *Здѣсь лежитъ, здѣсь покоится.*

Между тѣмъ неложно то, что летающій на крылахъ вѣтренныхъ и одѣвающійся свѣтомъ яко ризою, облекся въ тлѣнную плоть нашу, для понесенія смерти: оставилъ онъ престолъ вѣчной славы своей, для сошествія въ прахъ гробный и тридневнаго въ немъ пребыванія.

О смерть! коль велика тогда была твоя побѣда! Никогда, нѣтъ никогда, мрачное жилище твое таковаго узника не заключало; но что я говорю, узника! Нѣтъ Онъ болѣе, нежели побѣдитель твой: уснулъ Онъ въ нѣдрѣ земли, подобно Самсону на лонѣхъ Далиды; но всталъ сильнѣе онаго, скоропреходнымъ сномъ спящаго. Воздвигся онъ изъ объятій тлѣнія невредимѣе трехъ отроковъ изъ горящей пещи и Іоны изъ чрева кита. О смерть! попралъ Онъ стѣны мрачнаго жилища твоего. Гдѣ теперь твоя побѣда? Оставилъ Онъ тебѣ жало твое; но притупилъ жестокую остроту онаго. Не будешь уже ты закалать жертвѣ твоихъ; сномъ однимъ ты ихъ уже отягощаешь. Искупитель міра раззорилъ царство твое, покоряся оному.

Како-

Какова должна быть утѣха и надежда ваша, о смертные! Богочеловѣкъ облегчилъ вамъ путь сей бѣдственный: сравнялъ и умягчилъ оной для способнѣйшаго вамъ по немъ шествія; научилъ терпѣть бодрственно и умирать радостно. Освѣтилъ ужасной мракъ гроба съ тѣхъ поръ, какъ благоволилъ опочивать въ немъ; украсилъ сіи одры праха прелестьми, привлекающими избранныхъ его; снабдилъ васъ пропускными письмами, для надежнѣйшаго шествія среди мрачнаго царствія разрушенія. Вѣруйте въ Него, и всесильная рука Его препроводитъ васъ сквозь страшныя области тѣней даже до вратъ небеснаго Сіона. Естество ваше нѣкогда изменится; воспріиметъ прежнее достоинство свое; и не будетъ никакой подвержено премѣнѣ. Кончина ваша уже не въ

наказаніе вамъ опредѣляется; но въ даръ и награжденіе. Мгновеніе смерти праведныхъ есть начало истинной жизни ихъ. Изъ нѣдра презрѣнія и нищеты преходятъ они въ славное и нетлѣнное состояніе; послѣднее издыханіе ихъ есть болѣзнь рожденія ихъ во блаженство и стремленіе ихъ оставить землю, пареніе, возносящее ихъ въ вѣчныя селенія.

Страшливыя души, блѣднѣющія отъ воззрѣнія на гробъ, не могущія безъ трепета устремить на него взоры ваши, правда то, что вы еще находитесь въ цепяхъ тиранна; дрожите вы, подобно рабамъ при малѣйшемъ слухѣ бича его: но возбудите вѣру, и оживотворите надежду вашу; устремите взоры ваши на гробъ Богочеловѣка, и

бодр-

бодрственнѣе потечете къ гробамъ вашимъ; безъ страха снидете въ убѣжище змія, долженствующаго пожирать весь родъ человѣческой.

Симеонъ пріявъ божественное Отроча во свои объятія, съ миромъ и въ покоѣ окончилъ дни свои. -- Савлъ, жестокій Христа гонитель, возжелалъ закрыть очи свои отъ свѣта дневнаго, какъ скоро отверзлись оныя вѣрѣ, и стеналъ о неразрушеніи смертнаго своего праха. *Кто избавитъ мя отъ мертвеннаго тѣла сего.* Возлюбленный ученикъ спокойно предался объятію смерти, по возлежаніи на персѣхъ избавителя и Господа своего. -- Высокій пѣснослагатель величества Всемогущаго, Давидъ, жалостно произносилъ долговременное плѣненіе свое на земли.

И такъ возбуждаемы живою вѣрою, возможемъ ли бояться приближенія смерти? Воистинну попремъ ногами Царя страховъ, снабжены будучи предохраненіемъ симъ; поругаемся жалу аспида; предстанемъ безъ страха василиску; правда, что почувствуемъ мы, когда пылающій змій смертное тѣло сіе угрызать будетъ: и не оставитъ онъ насъ доколѣ въ прахѣ мы пребудемъ. Но избавлены будемъ отъ него при востаніи нашемъ, и угрызенія его единымъ сновидѣніемъ намъ тогда являться будетъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ XVIII.

О воскресеніи мертвыхъ и страшномъ судѣ.

Воскресеніе! о сколь утѣшительно слово сіе! Какую сладкую от-

отраду въ душу мою оно изливаетъ! Такъ всѣ тѣла, здѣсь лежащія, не навсегда останутся въ презрительномъ состояніи семъ! Смерть ихъ преодолѣла, но не навсегда и не невозвратно похитила. Отъимется отъ нея ея добыча. Нѣтъ, Господи, не забылъ ты ихъ во вѣки. Внемлите слова вѣчнаго откровенія: „Всѣ праведные суть узники надежды„.

И такъ будетъ часъ, часъ извѣстной только единому Богу, въ которой воздастся блѣднымъ жителямъ гробовъ долгъ ихъ грѣховный, и царствія тлѣнія навсегда уже исключатся. Тогда отверзутся небеса, и Господь снидетъ при восклицаніи Архангеловъ въ громѣ и молніи призоветъ мертвыя предъ страшной престолъ свой: самой прахъ

гласъ Его услышитъ и послушные гробы воздадутъ хранимые ими залоги; ужасной звукъ трубъ Ангельскихъ раздастся до глубочайшихъ пропастей земли и океана. Въ одну минуту, въ одно мгновенiе ока, востанутъ всѣ тѣла, и подобно агнцамъ на поляхъ возскачутъ, стремясь на срѣтенiе Господа и Бога ихъ.

Съ какою же восхитительною радостiю душа съ тѣломъ, сiи толь тѣсно нѣкогда обязанные друзья, по долговременномъ разлученiи своемъ соединятся! Говорю я то о праведныхъ: ибо тѣло и душа злыхъ содрагаться будутъ отъ ужаса, увидя паки свое соединенiе. Но страшная труба уже возгремѣла; грозные знаки, долженствующiе нѣкогда возвѣстить сей день мщенiя, исполнилися: все естество уже чув-

чувствуетЪ, кажется, по страшному трепету его, близь стоящее истребленіе свое; земля колеблется, реветЪ океанЪ и біется вЪ пространномЪ вмѣстилищѣ своемЪ; падутЪ горы, отрѣшаются солнцы отЪ тверди, и падаютЪ вЪ прахѣ огненномЪ: еще мало, и свѣта уже не будетЪ. Не слышатся уже громы: престали по пространному небу сверканія молніи; все племя Адамово простерто предЪ престоломЪ Судіи вЪ трепетномЪ ожиданіи: Ангельскіе вои вЪ молчаніи предстоятЪ: КрестЪ, Божественный, КрестЪ презрѣнный невѣрными и безбожными Іудеями на воздухѣ сіяетЪ; поддерживаютЪ освященное древо сіе праведные вѣсы, на коихЪ преступленія и добродѣтели взвѣсятся. Коль страшенЪ видЪ его злымЪ! Коль утѣшителенЪ вѣрнымЪ! Священное орудіе сіе

сіе здѣсь производитъ двоякое дѣйствіе таинственнаго облака того, который съ одной стороны освящалъ шествіе святаго народа, а съ другой нощь и ужасъ наводилъ на враговъ, гонящихъ ихъ.

Уже совершилося, совершилъ Ангелъ истребитель страшное раздѣленіе праведныхъ и грѣшныхъ. Печать изверженія на челѣ каждаго преступника изображена; сіяніе славы въ знакъ предопредѣленія главы праведныхъ окружаетъ. Не ужасаются они величества и страшной славы Судіи. Какія радостныя слова слышатъ они изъ устъ его исходящія: „Пріемлю я въ на„родъ мой васъ, прославившихъ „меня на земли. Не вижу я не„чистоты въ васъ: омыты вы „Моею кровію. Вы предпочли без-

„безуміе Креста Моего (искупле-
„ніе рода человѣческаго кре-
„стомъ безуміемъ невѣрныя на-
„зывали) мудрости свѣтской. Ся-
„дете на престолахъ, вамъ уго-
„тованныхъ прежде вѣкъ, и су-
„дите со Мною міръ, васъ
„осудившій„.

По сихъ словахъ, Богъ правды испущаетъ на нихъ источники свѣта своего, и праведные подобно солнцу возсіяли.

Но кто описать можетъ смущеніе и отчаяніе, коимъ злые въ болѣзненный день сей обременятся. Содрагается душа моя отъ мысли сей, и отъ воображенія сего отвращается. Часъ смерти ихъ безъ сомнѣнія жестокъ былъ и ужасенъ. Видалъ я ихъ въ то время, когда сердца ихъ ядовитыя стрѣлы смерти чувствовали: ка-

какой блѣдной ужасъ на лицахъ ихъ изображенъ былъ! Какіе безпокойные взоры они вокругъ себя метали! Страшныя терзанія тѣла ихъ, слабое только было изображеніе внутренняго страданія мучимой ихъ совѣсти; казалося, что трепещущая отъ страха душа ихъ мечется вокругъ земнаго жилища своего, и печальныхъ зрителей ея терзанія о помощи противу врага, скоро домъ ея земной похитить готовящагося, проситъ. - - - Но все сіе начало еще только болѣзнямъ. Капля то, на нихъ испущенная Богомъ мщенія, изъ чаши гнѣва Его. Но тутъ изліется она вся на законопреступныя ихъ главы. О когда збылося бы съ ними по словамъ ихъ совершенное ихъ уничтоженіе въ жилище праха; но нѣтъ, воскреснутъ и они, хранятся во гробахъ, подобно пре-

преступникамъ въ темницахъ, на казнь опредѣленнымъ. Ангелъ, исполнитель опредѣленій Всевышняго, исторгнулъ ихъ изъ мрачнаго жилища ихъ, и повлекъ неволею къ престолу не умолимаго правосудія. О небо! какой отчаянной стыдъ блѣдныя и страшныя лица ихъ покрываетъ! Вся мерзость житія ихъ на законопреступныхъ челахъ ихъ изображается; ужасная книга совѣсти разгибается и тайныя предательства ихъ всенародно обличаетъ. Тройная личина лицемѣра растерзана и ложныя добродѣтели Философа едваль несравнены съ самыми преступленіями. Заклинаютъ они океанъ, дабы поглотилъ ихъ въ бездну свою; колеблющимся горамъ кричатъ: „Падите „на насъ„. Но всѣ стихіи вопль ихъ не внемлютъ, принуждены злые испивать всю горесть тяжчай-

чайшаго срама. Небо и земля ихЪ оставляютЪ: еще мало, и страшной приговорЪ вЪ самую минуту изреченія онаго исполнится. Боже мой! слышу уже я его исходяща изЪ устЪ превѣчнаго Судіи! „Идите проклятые; и ты „мірЪ обратися вЪ ничтожество „твое„. Послѣдній громовый ударЪ совершилЪ сіе великое дѣйствіе и позорище страха и ужаса. Во мгновеніе ока свернутся небеса, подобно свертку; вознесутся праведные вЪ жилище блаженства, подобно тихимЪ парамЪ, солнцемЪ притягаемымЪ, и все племя преслушниковЪ на вѣки вЪ бездну адскую низвержется.

О смертные! старайтесь умилостивить Судію вашего, доколѣ скипетрЪ милосердія вЪ десницѣ Его сіяетЪ; не отлагайте время, доколѣ неумолимЪ ОнЪ уже будетЪ.

РАЗ-

РАЗМЫШЛЕНІЕ XIX.

О вѣчности.

Такъ наказаны уже наконецъ пороки и награждены добродѣтели. Но въ то время, какъ изверженные летятъ стремглавъ въ бездну, подобно снѣжнымъ клубамъ въ зимнее время, на землю ниспадающимъ, колеблющійся свѣтъ разрушеніе свое совершаетъ. Кажется, что нечувствительныя стихіи сообщницами были въ преступленіи и возмущеніи человѣковъ; прогнѣванный Создатель изрекъ паденіе ихъ въ самое то время, какъ преслушаніе вертограда утѣхи осквернило. Все естество послужило грѣху, все естество съ нимъ должно и погибнуть. Не вспомоществовала

ли ему нощь своею темнотою? Воздухъ роскошною своею прохладою? Земля дерновыми одрами? Солнце благотворительными Его лучами? Бѣдственное и ядовитое дыханіе грѣха исполнило ядомъ всѣ дѣла рукъ Божіихъ; и Богъ во гнѣвѣ своемъ сокрушаетъ ихъ подобно скудельнымъ сосудамъ. Гдѣжъ я теперь? земля подъ ногами *моими скрылася*; безчисленное множество звѣздъ отъ тверди отрѣшася, погибли, подобно легкимъ воздушнымъ явленіямъ, кои въ каникульныя нощи воспламеняяся, представляютъ огненной лучь и въ тотъ же часъ изчезаютъ. Весь міръ глазамъ моимъ подобенъ кажется удаляющемуся и изчезающему дымному клубу. Истощившіеся часы остановилися, колесница времени стала: достигла она уже предѣловъ разстоянія; поставила убивствен-

ственную косу свою въ знакъ прешедшихъ побѣдъ ея. Но что вижу я? И самые берега низпадаютъ въ бездну.

О Ангелъ Святый, присудствующій моимъ размышленіямъ, ты провелъ меня къ ужасному входу вѣчности. Не представлялъ я себѣ, чтобъ могло что быть страшнѣе гроба; но о какая ужаснѣйшая бездна глазамъ моимъ представляется! Куда взоры свои я ни обращаю, ничего кромѣ пропасти, безпредѣльнаго пространства и неизмѣримой глубины не вижу. Дерзновеннѣйшій духъ безъ ужаса на сіе взирать не можетъ. Исчисляетъ Математикъ числами теченіе времени; Астрономъ орудіями разстояніе звѣздъ; но какія исчисленія, какія орудія измѣрить могутъ долготу и мѣру вѣчности? Превыше она небесъ:

какъ можно оную достигнуть? Глубочае ада: возможно ли туда снити? *Не долже ли мѣры земныя или широты морскія.* (*) Всѣ изображенія и сравненія не могутъ ея представить. Теряется и смущается въ ней мысль. По прошествіи вѣковъ столь же многочисленныхъ, какъ весенные цвѣты, листья осенніе и дождевыя капли въ году, вѣчность, непостижимая вѣчность еще въ цѣлости своей пребудетъ: никаковаго умаленія она не потерпитъ: и будетъ еще въ своемъ началѣ, или, коль можно такъ сказать, *только начало свое начинать будетъ.*

Человѣкъ, вмѣщенный въ безпредѣльное пространство сіе, можетъ

(*) *Іова глава* 11. *стихъ* 9.

жетъ уже сказать подобно самому Богу, я есмь. Состояніе его тогда такъ, какъ и всѣхъ предметовъ его окружающихъ непремѣнно. Видъ неба уже неизмѣняется. Не обращается колесо превратностей; смерть и грѣхъ со всѣми болѣзнями ихъ въ жилище ужаса низвержены; и бѣдственное ихъ копіе, сердца всего племя Адамова прободающее, уже поставлено въ знакъ побѣдъ ихъ у мрачныхъ вратъ ада, которыхъ никакая рука не отверзетъ. Крестъ, божественное знамя избавленія, блистаетъ у входа небеснаго Іерусалима, и таковымъ же образомъ на вѣки оной заграждаетъ. Одни сіи два вида ужасающемуся зрѣнію моему въ неизмѣримой пустыни сей представляются: небо и адъ.

О Боже мой! какой блистательный свѣтъ позлащенныя стѣны святаго селенія сего на внѣшнюю часть огражденія его испускаютъ! Какое согласное пѣніе поражаетъ слухъ мой! Какіе источники блаженства въ прекрасныхъ долинахъ сихъ протекаютъ, гдѣ благополучные за божественнымъ Искупителемъ своимъ слѣдуютъ! Но какая нощь! о какая ужасная нощь въ противной сторонѣ сей царствуетъ! Кажется, что слышу я ужасный свистъ стѣсненнаго пламени въ подземныхъ пещерахъ; человѣкъ, сѣдящій у отверстія горящей Этны или Везувіи, не можетъ толь ужаснаго реву слышать. Какой огненный океанъ пламенную бездну сію покрываетъ! Какой мрачной дымъ безпрестанно изъ оной исходитъ! Стремленіе его возвело бы его до сводовъ

довъ царствія, естьли бы могъ онъ проходить за предѣлы мрачной атмосферы своей; но упадаетъ онъ паки въ бездну пламенную и паденіемъ своимъ дождь огненныхъ искръ производитъ, которой освѣщая адъ, день его несравненно ужаснѣе самой нощи являетъ. При семъ то страшномъ свѣтѣ вижу я въ глубинѣ сей ужасное мученіе осужденныхъ. - - - О Ангелъ небесный! ты, коего рука надъ пламенною бездною сею меня поддерживаетъ, подкрѣпи меня. Разумъ мой колеблется, - - силы мои меня оставляютъ. И отъ ужаса всѣ чувства мои охладѣли.

Великой стукъ, незапно въ храмѣ произшедшій, меня изъ страшнаго восхищенія моего вывелъ. Ужасная вѣчность отъ глазъ моихъ сокрылася. И ничего

кромѣ

кромѣ мрачныхъ столповъ, священный сводъ поддерживающихъ, взору моему не представлялося. День къ концу своему уже склонялся; пришли для затворенія храма. Я вышелъ изъ него, подобно выходящему изъ позорища кровопролитнаго представленія. Сердце мое было объято горестію и страхомъ; душа же наполнена ужасными изображеніями смерти и вѣчности.

Конецъ.

